947
5841
Р П-Ч
947
9

№ 4—5. СЕРІЯ ПОЛИТИКО-СОЦІАЛЬНЫХЪ БРОШЮРЪ. № 4—5

А. ГИЗЕТТИ.

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА г. ГОМЕЛЬ

ОТЪ ДЕКАБРИСТОВЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

СТО ЛѢТЪ БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ.

5841
М
5841
5841

Цѣна 35 коп.

Ред.-изд. С. Нонинъ.
„БИБЛІОТЕЧКА-КОПЕЙКА".
Основана въ 1909 г.

ПЕТРОГРАДЪ.
ул. Жуковскаго, 22.
1917 г.

...ог».
...подробность. Таковы по-

...кий шлем.
...ой совсем».
...творения «Радистка», «Командир»,
..., «Песня хетагуровок» (из фильма
...сня о флаге», «Садовод», «Майор»,

...четвертой главы «Присяги» (из днев-
...ческих днях людей, охраняющих рубежи
...й с художественной убедительностью ри-
...е и патриотизм пограничников, разгромив-
...в. Поэт показывает во всей подлинности и
... границе, где каждый «метр земли измерен»
... дышит».
...тихи» свидетельствуют о творческом росте моло-
...ца.

Е. СИКАР

П81

№ 4—5. СЕРІЯ ПОЛИТИКО-СОЦІАЛЬНЫХЪ БРОШЮРЪ. № 4—5.

Зар.

А. ГИЗЕТТИ.

ОТЪ ДЕКАБРИСТОВЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

II 5841

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА г. ТЮМЕНЬ.

СТО ЛѢТЪ БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ.

Цѣна 50 к.

Изд-во С. Нонина.
„БИБЛІОТЕЧКА-КОПЕЙКА".

ПЕТРОГРАДЪ.
ул. Жуковскаго, 22.
1917 г.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акціонернаго Общества Издательства А. А. Каспари.
1917.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

„Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „Смотри, вотъ это новое", но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ".
Екклезіастъ, гл. I, 10.

Да, „въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ", были люди съ великою жаждою великихъ подвиговъ; да, „въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ", были недоступные тлѣнью и смерти народные трибуны, заповѣдавшіе намъ, грядущимъ поколѣніямъ, углублять ихъ первую борозду для посѣва зернъ вѣковѣчной правды.

И еще: „Родъ проходитъ, родъ приходитъ",—говоритъ мудрый Екклезіастъ,—поколѣніе смѣняется поколѣніемъ, но „земля пребываетъ вовѣки".

„Вовѣки" пребываетъ не только земля. „Вовѣки" пребываетъ жизнь, творчество, „вовѣки" пребываетъ борьба и завѣты отошедшихъ поколѣній. „Вовѣки" пребываетъ и непрестанно искрится пламенный духъ, непрестанно звучитъ смѣлый голосъ свободы, умножая мудрость мудрыхъ и силу сильныхъ.

Изъ „искры", оброненной декабристами на Сенатской площади, чрезъ сто лѣтъ возгорѣлось „пламя". Бережно хранили смѣнившія ихъ поколѣнія эту священную „искру", и теперь этимъ пламенемъ возрожденія страны объятъ нашъ лучшій народный трибунъ—А. Керенскій и всѣ тѣ, для кого Родина—не звукъ пустой.

Но мы не можемъ подавить въ себѣ тревогу, унять щемящую боль сердца: „новорожденный", — Свобода, хилъ и слабъ, страна еще болѣетъ муками тяжелыхъ родовъ „первенца", а черныя „старухи"-призраки неотлучно толпятся у постели больной.

„Въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ", было не мало ошибокъ: вражда, раздоръ, нетерпимость, сухая казуистика, фанатизмъ заблачныхъ мечтателей и безкорыстныхъ энтузіастовъ!

И э т о не разъ, „въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ", губило дѣло свободы, возвращая насъ къ разбитому корыту.

„Въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ", не разъ, на протяженіи ста лѣтъ борьбы за свободу, пробужденнаго раба снова порабощали!

Д а н е б у д е т ъ э т о г о н ы н ѣ!

Пусть скорѣе и полнѣе освободятся творческія силы народа отъ тяготящихъ еще душу привычекъ „взбунтовавшагося раба", отъ всякой, хотя бы безкорыстной и искренней, но н е и з м ѣ н н о вредной д е м а г о г і и.

Только укрѣпленіе подлинной д е м о к р а т і и, свободной и всенародной гражданственности, полной сознанія своихъ силъ, поможетъ намъ удержать завоеванную свободу и защитить ее отъ в с ѣ х ъ враговъ.

Мы будемъ преисполнены горячаго удовлетворенія, если очеркъ А. Г и з е т т и „О т ъ д е к а б р и с т о в ъ д о п а ш и х ъ д н е й" оживитъ въ памяти читателей безсмертные образы борцовъ за свободу и сплотитъ поколѣніе наше.

Д а з а в е р ш и т ъ о н о в е л и к о е д ѣ л о, н а ч а т о е в ъ в ѣ к а х ъ м и н у в ш и х ъ!

Издательство.

Отъ декабристовъ до нашихъ дней.

I.

Великій переворотъ въ русской жизни совершился быстро и неожиданно.

Но, если мы оглянемся назадъ, въ прошлое, то увидимъ, что этотъ „неожиданный“ переворотъ — только заключительная глава въ длинной исторіи освободительнаго движенія, что онъ завоеванъ не только сравнительно немногими жертвами, погибшими въ послѣднюю революцію, а жизнью многихъ поколѣній борцовъ за свободу.

Трудно сказать, к о г д а началась въ Россіи борьба за свободу—уже болѣе ста лѣтъ длится она почти непрерывно, но раньше это были лишь отдѣльныя попытки выдающихся личностей или небольшихъ кружковъ, не имѣвшихъ еще опоры въ широкихъ массахъ. Только въ 1905 г. движеніе захватило широкія массы; оно было раздавлено, но не уничтожено, оно перешло въ подполье, продолжало невидимо расти и, наконецъ, захватило армію, войско, что и обезпечило побѣду. И въ болѣе давнія времена народъ велъ борьбу, поднимался, когда особенно трудно было жить, вставалъ противъ своихъ угнетателей въ народныхъ бунтахъ—таковы были возстанія Разина и Пугачева, но народъ былъ тогда теменъ, невѣжественъ, и это невѣжество русскаго народа было главной силой царской, правительственной власти. Тѣ, кто получали образованіе, кто могли сознательно поставить предъ собой опредѣленную цѣль—были люди богатые, знать, дворянство; они не думали о благѣ народа, не думали еще объ измѣненіи порядка и считали, что можно только давать совѣты царямъ, но не бороться съ царской властью. Такъ было при Петрѣ и его преемникахъ; даже люди,

выходцы изъ демократической среды, самоучки, какъ напр., ученый и поэтъ Ломоносовъ, считали царскую власть необходимой и дѣлались ея сотрудниками.

Но понемногу среди трудовой интеллигенціи появились люди, понимавшіе, что царскую власть просить, ей совѣтывать безполезно, люди, которымъ свобода была дороже ихъ привиллегированнаго положенія. При Екатеринѣ II появились люди открыто защищавшіе народъ. Время Екатерины было тяжелое время для народа, это расцвѣтъ крѣпостного права. Крестьяне были не только прикрѣплены къ землѣ, они продавались въ розницу съ публичнаго торга. Помѣщики въ своихъ имѣньяхъ были цари, дѣлали что хотѣли, истязали крестьянъ. А крѣпостные были безправны; правда, законъ запрещалъ убивать крѣпостныхъ, но они все равно отстаивать своихъ правъ не могли, суды покровительствовали дворянамъ, взяточничество процвѣтало. Судъ велся негласно, письменно и крестьянину требовать тамъ защиты было не подъ силу. Это время было тяжелое не только для крестьянъ. И дворяне тогда не имѣли политическихъ правъ и они были рабами, холопами царской власти, хотя за это и имѣли права владѣть крестьянами, т. е. крестьяне были рабами рабовъ... Среди дворянъ были люди, хотѣвшіе получить политическія права, но раньше они думали только о правахъ для себя. Только къ концу царствованія Екатерины, въ концѣ XVIII вѣка, заговорили и о правахъ для всего народа. Большое вліяніе въ этомъ оказала западная Европа, особенно Франція. Правительство посылало русскихъ людей, молодыхъ дворянъ, учиться за границу, а тамъ они знакомились съ жизнью Западной Европы, читали сочиненія французскихъ мыслителей-„просвѣтителей“, говорившихъ о равенствѣ всѣхъ гражданъ, объ естественныхъ правахъ всѣхъ людей. Среди лицъ, посланныхъ учиться заграницу былъ и истинный защитникъ правъ народа, тотъ, кого обыкновенно называютъ первымъ борцомъ за свободу—Александръ Николаевичъ Радищевъ.

Подъ вліяніемъ французскихъ писателей онъ пришелъ къ убѣжденію, что у человѣка есть естественныя права, что всѣ равны, что управлять государствомъ дол-

жетъ самъ народъ и т. д. Онъ попробовалъ было служить чиновникомъ и хотѣлъ быть въ такой должности защитникомъ народа, но скоро ему пришлось уйти со службы, и онъ занялся литературнымъ творчествомъ. Въ 1790 г. онъ издалъ книгу: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву". Въ ней, подъ видомъ путевыхъ впечатлѣній, онъ изображаетъ жизнь русской деревни, даетъ рядъ картинъ, показывающихъ произволъ, жестокость, грубость помѣщиковъ и тяжелую жизнь крестьянъ. Наряду со сценами изъ деревенской жизни онъ помѣщаетъ свои размышленія: о свободѣ печати, требуя уничтоженія цензуры, которая была оскорбительна для писателей, описываетъ невѣжество цензоровъ; тамъ же онъ говоритъ о свободѣ вѣры („совѣсти") и, наконецъ, возстаетъ противъ царскаго самодержавія, которое, какъ онъ говоритъ, не можетъ быть полезно народу. Онъ считалъ, что правитель получаетъ свою власть по договору съ народомъ, которому онъ долженъ служить и, если правитель перестаетъ служить народу, дѣлается его врагомъ, то народъ можетъ его свергнуть. Екатерина была возмущена этой книгой. Радищевъ былъ арестованъ, его судили и приговорили къ смертной казни. По случаю мира съ Швеціей смертная казнь была замѣнена ссылкой въ Сибирь. Книга Радищева была уничтожена и до самаго 1905 г. запрещена. Судьба Радищева была очень тяжелая. При Павлѣ I онъ былъ возвращенъ изъ ссылки; при Александрѣ I даже былъ приглашенъ къ участію въ комиссіяхъ о государственномъ преобразованіи, но Радищевъ не могъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ и заговорилъ о коренныхъ реформахъ. Тогда ему намекнули, что могутъ снова отправить въ Сибирь, и Радищевъ, измученный всей прежней жизнью, покончилъ съ собой.

Другой защитникъ правъ народа, первый Шлиссельбургскій узникъ, Николай Ивановичъ Новиковъ, пострадалъ за мирную просвѣтительную дѣятельность. Онъ понималъ, что народу нужно образованіе, издавалъ для него книги, открывалъ школы и въ своихъ „сатирическихъ" журналахъ осмѣивалъ помѣщиковъ и недостатки управленія. Оба эти дѣятеля не организовывали никакого заговора и пострадали только за правдивое честное слово,

Послѣ Екатерины наступило царствованіе Павла, который такъ притѣснялъ всѣхъ, не только крестьянъ, но и дворянъ, ссылая своихъ придворныхъ за малѣйшую провинность, что вызвалъ къ себѣ всеобщую ненависть. Скоро жестокость и сумасбродство Павла дошли до невѣроятныхъ размѣровъ. Стало ясно, что императоръ ненормаленъ, и въ ночь на 11-ое марта 1801 г. заговорщики-дворяне задушили Павла.

Правительство скрыло это отъ народа, объявили, что Павелъ умеръ отъ удара, и только въ 1905 году разрѣшили писать правду.

II.

Убійство Павла придворными не облегчило положеніе народа, не дало ему свободы. При Александрѣ I народу лучше не стало. Правда, въ началѣ царствованія Александръ собиралъ комиссіи изъ дворянъ и чиновниковъ, которые разрабатывали проекты переустройства государственнаго управленія въ соотвѣтствіи съ государственнымъ устройствомъ Западной Европы. Но эти преобразованія должны были дать нѣкоторыя права только дворянамъ, не улучшая положенія крестьянства. Даже Сперанскій, вышедшій до нѣкоторой степени изъ демократическихъ слоевъ—онъ происходилъ изъ низшаго духовенства—разрабатывалъ проектъ государственнаго устройства, которое, ограничивая власть царя, оставляло крестьянъ въ крѣпостной зависимости. Эта конституція давала права голоса только богатымъ, т. к. устанавливала высокій имущественный цензъ: выбирать въ парламентъ, который Сперанскій называлъ Государственной Думой, могли только люди состоятельные. Наряду съ Думой учреждался Государственный Совѣтъ, въ составъ котораго должны были входить только вельможи по назначенію царя. Совѣтъ былъ созванъ, но Дума показалась царю опасной. Сперанскій былъ обвиненъ въ измѣнѣ и сосланъ. Александръ I совсѣмъ не хотѣлъ разставаться съ самодержавіемъ. Въ 1812 году произошла тяжелая война съ Наполеономъ, этотъ „сынъ революціи“, бывшій генералъ революціонной арміи, поработилъ французскую свободу, сталъ деспотомъ и хо-

тѣлъ завоевать другія страны. Побѣдить Наполеона могли только народы, а не цари; правители Европы это понимали и обѣщали народамъ свободу за отраженіе врага. Но когда Наполеонъ былъ побѣжденъ и сосланъ на пустынный островъ благодаря усиліямъ народовъ и особенно геройству русскаго народа, правители собрались на конгрессъ въ Вѣнѣ и заключили „священный союзъ“—уставъ котораго говорилъ, что они, правители, братья, а народъ—ихъ дѣти. Они дали обѣщаніе оказывать помощь другъ другу противъ народовъ и это обѣщаніе явилось какъ бы круговой порукой царей въ защитѣ своихъ интересовъ отъ революціи.

Русскій народъ вмѣсто ожидаемой свободы за свою защиту родины получилъ знаменитыя военныя аракчеевскія поселенія. Они были устроены по мысли царя, а главнымъ его помощникомъ былъ генералъ Аракчеевъ, который возбудилъ къ себѣ народную ненависть и память о которомъ живетъ въ народѣ до сихъ поръ въ пѣснѣ: „Дороженьку березкой усадилъ, Матушку Россію кровію полилъ“. Суровый режимъ Аракчеевскихъ „поселеній“ вызвалъ въ нихъ возстанія, а въ 1820 году былъ бунтъ въ Семеновскомъ полку. Въ это время поднимается движеніе среди офицеровъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ. Во время Отечественной войны они побывали въ Европѣ и прониклись идеей свободы. Они основали тайное общество „Союзъ Спасенія“, преобразованный позже въ „Союзъ Благоденствія“. Эти общества преслѣдовали раньше только просвѣтительныя цѣли: сбщія чтенія, бесѣды, разсужденія о смыслѣ жизни и т. п. Затѣмъ ихъ цѣлью стала борьба за политическія и соціальныя реформы. Сначала надѣялись провести эти реформы черезъ правительство, потомъ рѣшили дѣйствовать революціоннымъ путемъ. Возникли два новыя общества: Сѣверное, центръ котораго былъ въ Петербургѣ, и Южное, охватившее войска, стоявшія въ Черниговской и Кіевской губерніяхъ. Оба общества сходились въ томъ, что надо поднять войска, захватить власть, арестовать или убить Александра, учредить Временное Правительство и отмѣнить крѣпостное право, но въ вопросѣ о томъ, какъ устроить государство, общества не могли придти къ

согласію. Никита Муравьевъ, представитель сѣвернаго общества, предлагалъ конституціонную монархію, выбирать въ парламентъ могли только болѣе богатые. Это было отрицательной стороной его проэкта. За то онъ шелъ впереди своего времени, предлагая ввести широкое областное самоуправленіе и дать возможность самоопредѣленія всѣмъ народамъ Россіи. Вожди южнаго общества требовали республики. Ихъ вождь Пестель въ „Русской Правдѣ“ настаиваетъ на демократической республикѣ. Для крестьянъ онъ требуетъ не только свободы, но и земли, причемъ часть земли должна перейти въ ихъ личную собственность, другая часть составитъ государственный фондъ и находится въ общественномъ пользованіи. Послѣднее предлагалось во избѣжаніе захвата большого количества земли отдѣльными лицами. Въ этой части своего проэкта Пестель заглянулъ далеко впередъ. Его идея земельнаго преобразованія не устарѣла и до сихъ поръ. Но и въ его проэктѣ была темная сторона: онъ былъ сторонникомъ сильной государственной власти, желѣзной централизаціи ея, передачи ея всецѣло въ руки выбранныхъ отъ народа для управленія всей Россіи; мѣстнаго самоуправленія Пестель не признавалъ. Онъ совсѣмъ не говоритъ о правахъ различныхъ національностей. Представители Сѣвернаго и Южнаго обществъ понимали, что имъ нужно придти къ соглашенію, но не могли сговориться; понимали они также, что нужно поднять возстаніе среди солдатъ, но не умѣли къ нимъ подойти. Солдаты ихъ мало понимали и плохо слушали. Между тѣмъ, имъ пришлось поторопиться съ возстаніемъ. Александръ I умеръ, его братъ Константинъ отказался отъ престола въ пользу третьяго брата Николая. Объ этомъ до послѣдней минуты почти никто не зналъ. Произошла смута. Одни войска присягали Константину, другія—Николаю. Заговорщики рѣшили воспользоваться этой неурядицей и 14-го д е к а б р я 1825 г. вывели на Дворцовую-Сенатскую площадь войска. Но солдаты въ большинствѣ случаевъ не понимали, зачѣмъ ихъ ведутъ; все дѣлалось второпяхъ. Возставшихъ было мало, ихъ легко разогнали и разстрѣляли. Такъ же неудачно было возстаніе Южнаго Общества, которое тоже было разгромлено.

Вожаковъ возстанія, декабристовъ, Николай I-ый самъ судилъ, самъ допрашивалъ, дѣйствуя на однихъ угрозами, другихъ какъ бы лаской, дѣлая видъ, что сочувствуетъ народу и хочетъ ввести преобразованія; и, когда многіе, повѣривъ ему, выдали товарищей, то онъ всѣхъ сослалъ на каторгу, а пятерыхъ главныхъ вожаковъ — Пестеля, Сергѣя Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина, поэта Рылѣева и Каховскаго—велѣлъ повѣсить въ Петропавловской крѣпости. Такимъ образомъ, было подавлено первое возстаніе. Дворянство было перепугано столь крутыми мѣрами—цвѣтъ дворянства, его передовые люди были изъяты изъ общества. Оставшіеся были слабы и растеряны.

III.

Наступило тяжелое время царствованія Николая I. Правительство преслѣдовало не только декабристовъ, но и ихъ женъ, невѣстъ, которымъ пропятствовали раздѣлить участь мужей. Съ большой борьбой удалось нѣкоторымъ изъ нихъ пробраться къ мужьямъ на каторгу. Память о декабристахъ осталась, и они сами вѣрили, что пострадали недаромъ, что „изъ искры возгорится пламя". Правительство преслѣдовало всякую свободу мысли. Основы управленія были: православіе, самодержавіе и „народность". Подъ народностью понимали сохраненіе старыхъ обычаевъ и порядковъ русскаго народа, въ томъ числѣ и крѣпостного права. А тѣхъ, кто протестовалъ, или ссылали, или сдавали въ солдаты, какъ напр., поэта Полежаева, жизнь котораго была, такимъ образомъ, совершенно загублена и который умеръ совсѣмъ молодымъ. Другихъ объявляли сумасшедшими, какъ Чаадаева, осмѣлившагося критиковать русскую дѣйствительность. Даже величайшій русскій поэтъ Пушкинъ, другъ декабристовъ, былъ подъ надзоромъ полиціи и его, такъ же, какъ и другого русскаго поэта Лермонтова, постоянно притѣсняли и довели обоихъ до смерти на дуэляхъ. Третій великій писатель Гоголь, безпощадно изображавшій Николаевскую Россію (комедія „Ревизоръ", романъ „Мертвыя души") подъ конецъ жизни впалъ отъ тоски такой жизни въ религіозное помѣшательство, старался убѣдить себя,

что въ Россіи порядки самые лучшіе, сжегъ свои сочиненія и уморилъ себя голодомъ. Но какъ ни налегалъ могильной плитой на Россію Николай I, свободной мысли онъ не могъ задушить, и она вышла изъ очаговъ науки, изъ университетовъ. Организовались кружки студенчества, учащейся молодежи, которые вначалѣ, какъ и общества декабристовъ, преслѣдовали только цѣли нравственнаго воспитанія и самоусовершенствованія и искали смысла жизни. Но потомъ и они увидѣли необходимость бороться за права обездоленнаго крестьянства, за свободу угнетеннаго народа. Въ этихъ студенческихъ кружкахъ были лучшіе русскіе писатели: Бѣлинскій, приникувшій къ ученію соціализма, вѣрившій въ достиженіе царства труда, свободы и равенства; Герценъ и Огаревъ принужденные впослѣдствіи уѣхать за границу, и служившіе родинѣ свободнымъ словомъ, профессоръ-историкъ Грановскій, рано умершій Станкевичъ и др.

Позже (1849) образовался кружокъ подъ руководствомъ Петрашевскаго, такъ называемые петрашевцы. Къ нему принадлежали: Спѣшневъ, Дуровъ, Момбелли, Черносвитовъ, извѣстные впослѣдствіи писатели, Достоевскій, Салтыковъ-Щедринъ. Это были мечтатели-соціалисты, послѣдователи Фурье.

Руководители кружка были осуждены на смерть, поставлены подъ разстрѣлъ, и только т о г д а имъ объявили царское помилованіе. Они были сосланы на каторгу. Эти минуты, проведенные на эшафотѣ, запечатлѣлись у Достоевскаго душевнымъ надломомъ, придали болѣзненную жестокость его таланту.

Во время злополучной Крымской войны Николай I умеръ и передалъ Александру II государство въ полномъ разстройствѣ.

IV.

Крымская кампанія раскрыла гнойники мрачной эпохи Николаевщины, и Александръ II предпринялъ рядъ реформъ, изъ которыхъ важнѣйшей было освобожденіе крестьянъ 19 февраля 1861 г. Освобожденіе крестьянъ было актомъ вынужденнымъ: крестьяне систематически поднимались противъ помѣщиковъ, и правительство находило,

кто „лучше освободить крестьянъ сверху, чѣмъ дождаться, что они освободятъ себя снизу“.. Раскрѣпощеніе крестьянъ было крупнымъ шагомъ впередъ, но это освобожденіе было не полное: правительство дало имъ или мало земли, или за очень большой выкупъ, который крестьяне выплачивали до Николая II, когда послѣ крестьянскихъ бунтовъ выкупные платежи были прекращены.

Крестьяне остались въ положеніи „податнаго“ сословія, на нихъ лежала вся тяжесть налоговъ. Для крестьянъ были введены особые сословные (волостные) суды и сохранены тѣлесныя наказанія. Крестьяне были, кромѣ того, почти прикрѣплены къ волости, такъ какъ каждые три мѣсяца они должны были мѣнять паспорта, должны были испрашивать разрѣшенія сельскаго общества на поступленіе въ учебныя заведенія и т. п. Крестьяне не могли удовлетвориться такой „волей“, но они еще вѣрили въ царя, и они думали, что, вѣрно, ихъ обманули дворяне, которые спрятали настоящій манифестъ царя, а дали имъ подложный. Опять начались крестьянскія возстанія. Они усмирялись жестокими карательными экспедиціями. Герценъ, политическій эмигрантъ, въ своемъ журналѣ „Колоколъ“ писалъ, что онъ поддерживалъ правительство въ его намѣреніи дать народу свободу, но, увидя, что народу не дали земли и что Освободитель сдѣлался усмирителемъ, онъ сталъ писать противъ царской власти. Онъ также защищалъ правдослова возставшихъ въ 1863 г. поляковъ, за что правительство и помѣщики называли его „измѣнникомъ“. Революціонная интеллигенція не могла довольствоваться тѣмъ, что давало правительство. Молодежь хотѣла добиться соціализма, общаго труда на общую пользу, строя, въ которомъ трудящіеся люди имѣли бы свободный досугъ и возможность умственнаго развитія. Правительство, которое ожидало хвалы за реформу, начало ссылать недовольныхъ людей на каторгу, сажать въ тюрьмы. Университеты закрывались, закрывались всякіе студенческіе кружки, даже общества взаимопомощи, разгонялись собранія, закрывались воскресныя школы для взрослыхъ. Наконецъ жестокое усмиреніе польскаго возстанія, когда правительство натравливало одинъ народъ на другой, окон-

чательно показало, что правительство Александра II было не лучше правительства Николая I. Правда, производились реформы, но всѣ эти реформы, вызванныя необходимостью, были половинчатыя. Учреждалось земство (мѣстное, выборное самоуправленіе), но оно было въ рукахъ помѣщиковъ. Давалось самоуправленіе городамъ, но безъ участія рабочаго населенія. И земское, и городское самоуправленіе были отданы подъ надзоръ полиціи и губернаторовъ. Правда, умѣренныя партіи говорили о конституціи, но только не смѣло, полагая, что народъ еще не дорось до настоящей свободы. Была и небольшая группа революціонно-настроенныхъ соціалистовъ, вождемъ которыхъ былъ писатель Чернышевскій, экономистъ, знатокъ хозяйственной жизни Россіи, представитель научнаго соціализма; онъ былъ обвиненъ по подложнымъ документамъ и сосланъ на каторгу. Вернулся изъ ссылки уже дряхлымъ старикомъ при Александрѣ III по настоянію революціонной молодежи. Поэтъ Михайловъ, авторъ воззванія къ молодежи, офицеръ Обручевъ и его товарищи изъ общества „Великоруссъ“, требовавшаго конституцію, Серно-Соловьевичъ, который перевозилъ изъ-за границы сочиненія Герцена и написалъ царю смѣлое письмо о реформахъ, и мн. др. попали въ ссылку и на каторгу. Хотя въ 1864 году Россіи былъ данъ новый судъ,—„скорый, правый, милостивый“—съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, представителей общественной совѣсти, но онъ былъ данъ только для уголовныхъ преступленій, а политическіе, такъ называемые „государственные“ преступники, судились чиновниками, сановниками. Правительство не довольствовалось расправой этихъ судей и стало передавать дѣло по „ниспроверженію“ государственнаго строя въ военные суды. Дикая месть и расправа правительства вызывали раздраженіе въ обществѣ. Революціонная молодежь образовала тайное общество. Они хотѣли убить царя. Каракозовъ, не сговорившись съ товарищами, стрѣлялъ въ царя у Лѣтняго сада. Ему помѣшалъ совершенно случайно крестьянинъ Комиссаровъ, который схватилъ его за руку, и пуля пролетѣла мимо.

Правительство внушало народу, что это стрѣлялъ дво-

рящимъ за то, что царь освободилъ крестьянъ, и Каракозовъ былъ выставленъ врагомъ народа. Онъ былъ повѣшенъ на Смоленскомъ полѣ при всемъ народѣ, съ барабаннымъ боемъ. Комиссаровъ былъ произведенъ въ дворяне. Товарищъ Каракозова Ишутинъ былъ взведенъ на эшафотъ, поставленъ подъ петлю и тогда помилованъ, какъ петрашевцы при Николаѣ I. Эта казнь не только не подавила революціоннаго движенія, но, напротивъ, оно росло, дѣлалось все шире, захватывало болѣе широкіе общественные круги. Русская молодежь ѣдетъ за границу, за предѣлы досягаемости, чтобы „съ того берега“ звать къ свободѣ родной народъ. Тамъ, за границей, подъ руководствомъ стариковъ-эмигрантовъ и при ихъ участіи основываются новыя организаціи, возникаютъ соціалистическіе кружки.

Одинъ изъ учителей этой молодежи — Бакунинъ, неутомимый борецъ за свободу, участникъ европейскихъ революцій 1848 г., долго томившійся въ нѣмецкихъ тюрьмахъ и Петропавловской крѣпости и наконецъ бѣжавшій изъ Сибири. Онъ примкнулъ за границей къ международному революціонному движенію и былъ наряду съ Карломъ Марксомъ вождемъ интернаціонала, но бурная, постоянно бушующая натура не позволила ему оставаться и въ этой организаціи. Онъ сталъ анархистомъ, противникомъ всякой государственной власти, поставилъ передъ собой недостижимый идеалъ полной свободы и боролся за него до конца жизни. Бакунинъ звалъ молодежь въ народъ, говорилъ, что русскій народъ революціоненъ по духу, но только угнетенъ, что крестьяне по природѣ соціалисты, на что указываетъ общинное владѣніе землей. Бакунинъ очень увлекался идеей бунта и преувеличивалъ силы революціонеровъ.

Еще дальше пошелъ его ученикъ Сергѣй Нечаевъ. Это былъ человѣкъ, искренне желавшій освобожденія народа, считалъ, что для такой цѣли допустимы всякія средства. Въ организованномъ имъ обществѣ онъ управлялъ деспотически и внушалъ товарищамъ преувеличенныя представленія о силахъ организаціи, не брезгая прямымъ обманомъ.

Вслѣдствіе убійства одного изъ товарищей, невинно

заподозрѣннаго въ шпіонствѣ, организація нечаевцевъ попала въ руки властей.

Правительство нарочно устроило громкій процессъ, чтобы отпугнуть общество отъ „глупой революціи".

Самъ Нечаевъ заключенъ былъ въ Петропавловскую крѣпость. Просидѣвъ тамъ 10 лѣтъ, онъ вступилъ въ сношенія съ волей и другими заключенными чрезъ распропагандированныхъ солдатъ гарнизона, но побѣга организовать не удалось, и въ 1883 г. Нечаевъ умеръ.

Другой учитель молодежи—Лавровъ—былъ совершенно иного склада. Ученый, профессоръ Артиллерійской академіи, боровшійся за свободную научную дѣятельность, не могъ ужиться въ Россіи, былъ сосланъ, бѣжалъ съ помощью Германа Лопатина за границу и сталъ теоретикомъ революціоннаго движенія. Онъ написалъ въ 70 годахъ „Историческія письма". Лавровъ звалъ интеллигенцію идти въ народъ, т. к. всѣ знанія пріобрѣтены ею на счетъ народа. Онъ звалъ воспитывать народъ, пропагандировать въ немъ соціалистическія идеи, желая исподволь образовать народъ, а не поднимать его къ возстанію неподготовленнымъ. Бакунинъ и Лавровъ шли къ одной цѣли, но разными путями. Болѣе горячія головы пошли за Бакунинымъ, другія—за Лавровымъ. Правительство начинаетъ бороться со стремленіемъ молодежи за границу, приказываетъ ей возвратиться въ Россію. Въ этомъ правительство промахнулось. Вернувшаяся молодежь съорганизовалась въ Россіи въ кружки „народниковъ", цѣль которыхъ было служеніе народу, проповѣдь соціализма и окончательное освобожденіе народа. Особенно извѣстенъ былъ кружокъ „чайковцевъ" *). Въ народъ пошли т. н. разночинцы, вышедшіе изъ крестьянъ, низшаго духовенства, вообще люди трудящагося класса, получившіе образованіе и вообще желавшіе просвѣтить народъ. Не желая, по словамъ писателя-учителя семидесятниковъ, Н. К. Михайловскаго, оставаться „яркимъ цвѣткомъ", выросшемъ на нивѣ народнаго труда. „кающіеся" дворяне отреклись

*) Этотъ кружокъ получилъ свое имя отъ перваго руководителя Н. В. Чайковскаго, который вскорѣ отошелъ отъ революціонной борьбы, сохранивъ, однако, весь пылъ преданности народному дѣлу и на поприщѣ мирной, культурно-общественной работы.

5841

отъ всѣхъ своихъ преимуществъ. Шли въ деревню, изучали разныя ремесла, шли подъ видомъ странниковъ-пли ремесленниковъ, гдѣ могли, завязывали съ крестьянами бесѣды, старались разбудить въ нихъ недовольство своимъ тяжелымъ положеніемъ и звали къ борьбѣ съ нимъ. Именно тогда начала свою дѣятельность среди крестьянства неутомимая „бабушка“ русской революціи Е. К. Брешковская. Другіе шли на фабрики. Среди нихъ были утопые (Клеменцъ, князь Кропоткинъ, Морозовъ), военные (офицеръ Шишко), интеллигентныя дѣвушки, какъ Софья Бардина и Софья Перовская, которыя шли на тяжелую фабричную работу только для того, чтобы въ немногіе часы отдыха завести бесѣду съ рабочими и повліять на нихъ. Они распространяли и революціонныя книжки, написанныя въ видѣ сказокъ или легкихъ бесѣдъ, дожившія и до 1905 года, когда они снова стали распространяться, какъ напр. извѣстныя „Хитрая механика“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и др. Бывало, что и люди болѣе зрѣлые примыкали къ движенію: двое мировыхъ судей, Коваликъ и Войнаральскій, устраивали пріюты для странниковъ-агитаторовъ, и сами вели соціалистическую пропаганду. Движеніе разрослось, но потерпѣло пораженіе. Правительство перехватило всѣхъ агитаторовъ, — на многихъ донесли болѣе темные крестьяне,—и въ концѣ 70-хъ годовъ были устроены громкіе процессы 50-ти и 193-хъ. Этими процессами правительство опять хотѣло возбудить ненависть къ подсудимымъ, какъ въ дѣлѣ Нечаева, но на этотъ разъ не удалось: въ публикѣ стали говорить, что они не преступники, а святые. Это были люди, которые шли чистыми средствами къ чистой цѣли. На судѣ многіе изъ нихъ говорили смѣлыя рѣчи, такъ Софья Бардина, Ипполитъ Мишкинъ, раздавались голоса также и сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, изъ нихъ особенно извѣстенъ Петръ Алексѣевъ. Послѣ этого процесса революціонные дѣятели рѣшили, что надо прибѣгнуть къ силѣ. Стефановичъ, Дейчъ и Боханюскій пытались поднять крестьянское возстаніе въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, съ помощью, якобы, царскаго манифеста, обѣщающаго землю.

Имъ удалось бѣжать изъ тюрьмы съ помощью Фроленко, принявшаго на себя съ этой цѣлью роль надзирателя. Пытались вооруженной силой освободить заключенныхъ въ тюрьмахъ, убивали шпіоновъ, устроили рядъ покушеній на тюремщиковъ, жандармскихъ начальниковъ и т. д. Первое крупное покушеніе былъ выстрѣлъ Вѣры Засуличъ въ петроградскаго градоначальника Трепова въ 1878 г. Она дѣйствовала не по порученію какой-либо организаціи, а сама, возмущенная отношеніемъ Трепова къ заключеннымъ, которыхъ наказывали розгами по его приказу. Засуличъ судили судомъ присяжныхъ, и она была оправдана. Послѣ этого случая подобныхъ дѣлъ не отдавали на судъ присяжныхъ. Правительство ссылало и безъ суда, въ такъ называемую административную ссылку. Хотѣли сослать и Вѣру Засуличъ, но товарищи отбили ее отъ жандармовъ, и ей удалось бѣжать за границу. Революціонное настроеніе растетъ. Начинаются вооруженныя сопротивленія при обыскахъ и арестахъ.

Въ Одессѣ былъ убитъ жандармъ Мезенцевъ писателемъ Степнякомъ-Кравчинскимъ, который бѣжалъ за границу. И уже тогда общество поняло что главнымъ виновникомъ создавшагося положенія былъ царь, а Мезенцевъ погибъ только какъ его вѣрный холопъ.

Россія покрывается висѣлицами. Генералъ-губернаторы получаютъ право казнить по своему усмотрѣнію. Много погибло тутъ лучшихъ людей. Въ Кіевѣ, напримѣръ, былъ казненъ вождь южныхъ революціонеровъ, смѣлый рыцарь свободы, Валеріанъ Осинскій, въ Одессѣ—„святой попѣщикъ“ Лизогубъ, который всѣ свои средства отдалъ на поддержку революціонной борьбы и все еще мучился сознаніемъ своей „вины“ передъ трудовымъ крестьянствомъ.

Соціалистическая организація „Земля и Воля“ выдѣляетъ изъ себя новую организацію, „Народную Волю“, поставившею своею цѣлью вооруженную борьбу.

Желябовъ на судѣ въ 1881 г., объясняя террористическій актъ своей партіи, сказалъ: „И у насъ была розовая юность, но она прошла“.

Сначала „народники“ думали, что можно бороться мирными средствами, но потомъ они поняли, что только сила можетъ идти противъ силы.

Народовольцы организовали рядъ покушеній.

Первымъ было покушеніе Соловьева на царя въ апрѣлѣ 1879 года. Въ томъ же году хотѣли взорвать царскій поѣздъ и сдѣлали рядъ подкоповъ, но планъ не удался. Слѣдующее покушеніе было 5-го февраля 1880 г., когда былъ устроенъ во дворцѣ взрывъ рабочимъ Халтуринымъ (организаторомъ „Сѣвернаго рабочаго союза"), проникшимъ во дворецъ подъ видомъ столяра. Народовольцевъ было немного, но ихъ смѣлость произвела сильное впечатлѣніе. Правительство думало пойти на уступки. Былъ назначенъ Лорисъ-Меликовъ, про котораго Михайловскій остроумно писалъ, что у него лисій хвостъ и волчій ротъ. Онъ хотѣлъ успокоить общество объщаніемъ реформъ, было задумано собрать комиссію изъ представителей отъ земствъ, гдѣ разрабатывались бы новые законы, а между тѣмъ, съ другой стороны, продолжались казни. Были казнены, напр., Лизинскій и Розовскій, казнь которыхъ описалъ Левъ Толстой въ запрещенной цензурой главѣ „Воскресенія". Розовскій, это былъ 17-лѣтній мальчикъ, погибшій только за то, что онъ не хотѣлъ сказать, кто ему далъ найденныя у него прокламаціи. Аресты продолжались. Появились и предатели, выдавшіе товарищей. Были среди нихъ и продажные люди и просто слабые, запуганные, какъ напр., Гольденбергъ, выдавшій многихъ и самъ умершій въ тюрьмѣ. Наконецъ организовалось покушеніе 1-го марта 1881 г. Былъ устроенъ подкопъ на Екатерининской улицѣ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать царь, а на случай, если онъ поѣдетъ другой дорогой, на Екатерининскомъ каналѣ его должны были ждать метальщики бомбъ. Царь поѣхалъ послѣдней дорогой. Первую бомбу бросилъ Рысаковъ, но неудачно, вторую Гриневицкій, ею царь и былъ убитъ; при взрывѣ погибъ и Гриневицкій. Исполнительный комитетъ „Народной Воли" написалъ Александру III благородное письмо, заявившее, что если царь созоветъ депутатовъ отъ всего народа и дастъ имъ свободно выбрать желательную форму правленія, террористическая дѣятельность будетъ прекращена. Всѣ вожаки заговора были казнены публично на Семеновскомъ плацу. Это была послѣдняя публичная казнь въ Россіи. Тогда впервые

погибла на эшафотѣ женщина, Софья Перовская, одна изъ умнѣйшихъ русскихъ женщинъ, которая говорила, что ей было очень тяжело рѣшиться перешагнуть чрезъ кровь. Тогда же погибли геніальный организаторъ Желябовъ, юноша Рысаковъ, рабочій Тихофей Михайловъ, Кибальчичъ, техникъ-ученый, который дѣлалъ бомбы. Не была казнена только хозяйка квартиры революціонеровъ, Геся Гельфманъ, потому что она ждала ребенка, но ребенка отъ нея отобрали, какъ только онъ родился, а сама она умерла въ тюрьмѣ. Общество было возмущено суровостью приговора. Левъ Толстой призывалъ новаго царя къ помилованію; къ тому же призывалъ и извѣстный русскій ученый Владиміръ Соловьевъ, который публично сказалъ на своей лекціи, что если русскій царь — христіанскій царь, то онъ ихъ помилуетъ.

Другихъ борцовъ за свободу выдалъ Сергѣй Дегаевъ. Предатель Дегаевъ былъ опутанъ знаменитымъ жандармомъ Судейкинымъ, который притворялся сочувствующимъ революціи и заставлялъ своихъ жертъ выдавать товарищей ради расширенія „дѣлъ" въ будущемъ. Впослѣдствіи Дегаевъ покаялся, принялъ участіе въ убійствѣ Судейкина революціонерами и скрылся за границу. Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ „Народной Воли" было еще убійство жестокаго одесскаго прокурора Стрѣльникова, за которое былъ повѣшенъ юный Желваковъ и извѣстный по взрыву въ Зимнемъ дворцѣ Халтуринъ. Остальные народовольцы были заключены сначала въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, а потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и даже тамъ продолжали отстаивать себя, требуя свободы труда, общенія и научной дѣятельности. Среди нихъ были: Морозовъ, Фроленко, Вѣра Фигнеръ, Людмила Волькенштейнъ, Поливановъ и др.

Немногіе изъ нихъ дожили до свободы, большинство умерло въ крѣпости, нѣкоторые добровольно покончили съ собой, не будучи въ силахъ перенесть мученій отъ тюремщиковъ.

Они не сдавались и сохранили свою вѣру въ народъ, хотя въ царствованіе Александра III въ Россіи наступила жестокая реакція.

V.

Главнымъ руководителемъ внутренней политики при Александрѣ III былъ К. П. Побѣдоносцевъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода (верховный чиновникъ по церковнымъ дѣламъ). Этотъ жестокій, лицемѣрный святоша поставилъ своею цѣлью поработить и усыпить, изуродовать самую душу народа, душу каждаго человѣка русскаго еще съ дѣтскихъ лѣтъ. Православная церковь была превращена въ казенно-полицейское учрежденіе для насажденія „благонадежности“ и сыска за всякими „смутьянами“. Жестоко преслѣдовались всѣ сектанты и иновѣрцы, всѣ, кто хотѣлъ мыслить по-своему, по совѣсти (молокане, духоборы, штундисты, Левъ Толстой и его послѣдователи). Въ народѣ насаждались церковно-приходскія школы, руководимыя невѣжественнымъ, запуганнымъ духовенствомъ, а школы земскія и частныя, особенно для взрослыхъ, всячески стѣснялись. Средняя и высшая школы подъ руководствомъ „знаменитыхъ министровъ народнаго затменія“ гр. Д. А. Толстого и Делянова тоже были подъ надзоромъ. Все преподаваніе клонилось къ тому, чтобы забивать голову зубрежкой (древніе мертвые языки). „Кухаркиныхъ дѣтей“ старались не пускать въ гимназіи. Реформы 60-хъ годовъ были искажены „поправками“; земства и городскія думы ограничены въ правахъ и поставлены подъ надзоръ чиновниковъ, избирательные законы для этихъ учрежденій измѣнены такъ, что усилены были въ земствѣ—дворяне-помѣщики, въ городахъ—купцы-богатеи. Въ деревняхъ посадили судьями „земскихъ начальниковъ“ изъ недоучившихся дворянъ, они могли простымъ распоряженіемъ подвергать крестьянъ заключенію въ „холодную“, штрафовать.

Изданы были особыя „положенія“ объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, которыя предоставили правительству право ссылать „неблагонадежныхъ“ безъ суда, по одному подозрѣнію. Политическіе сотнями ссылались „административно“ въ сѣверныя губерніи и въ Сибирь, гдѣ терпѣли голодъ, холодъ, нужду, жили въ пустынѣ безъ книгъ, безъ души живой кругомъ; многіе кончали съ собой съ отчаянія или спивались и теряли образъ чело-

вѣчений; выживали только самые сильные, закаленные въ борьбѣ. Каково было житье въ тюрьмахъ и на каторгѣ—нечего говорить. Въ 1889 году одновременно произошли страшныя дѣла въ Якутской ссылкѣ и Карійской каторжной тюрьмѣ. Въ Якутскѣ ссыльные, протестовавшіе противъ ихъ отправки изъ города въ дальніе „улусы“, гдѣ условія жизни были невыносимо тяжелы, были окружены войсками и разстрѣляны, а потомъ тѣхъ, кто остался цѣлъ, еще судили за „бунтъ“. Троихъ изъ нихъ повѣсили, а остальныхъ послали на каторгу. Одинъ изъ казненныхъ Л. М. Коганъ-Бернштейнъ былъ раненъ въ ноги и не могъ встать, его понесли къ висѣлицѣ на кровати. На Карѣ одну политическую заключенную, которая, не выдержавши ужасовъ режима, нанесла пощечину начальнику тюрьмы, наказали розгами. Она послѣ этого позора покончила съ собой. Товарищи въ знакъ протеста приняли ядъ: трое женщинъ и двое мужчинъ умерли, остальные, послѣ страшныхъ мученій, остались жить (ядъ былъ испорченъ); ихъ всѣхъ разослали по другимъ тюрьмамъ, окончательно сравнявъ политическихъ борцовъ съ уголовными преступниками.

Правительству очень хотѣлось бы въ эти годы возстановить крѣпостное право, но зная, что крестьяне этого не допустятъ, оно старалось ихъ донять не мытьемъ, такъ катаніемъ: притѣснить податями и произволомъ, а о дворянахъ всячески заботились, чтобы они не разорились отъ безпѣлья и дурного хозяйничанья въ своихъ имѣніяхъ. Дворянскій банкъ помогъ дворянамъ существовать, а Крестьянскій банкъ, будто въ помощь крестьянамъ основанный, только разорилъ ихъ платежами. „Заботы“ правительства о переселеніи безземельныхъ крестьянъ въ Сибирь тоже мало помогали, т. к. всѣмъ этимъ дѣломъ завѣдывали чиновники-взяточники, переселившіеся крестьяне попадали „на новыхъ мѣстахъ“ почти въ нищенское положеніе.

Правительство знало, что народъ его ненавидитъ и старалось, чтобы отвести гнѣвъ народный, направить темныхъ крестьянъ на „инородцевъ“ (поляковъ, армянъ, евреевъ). Всѣ народности были лишены своихъ правъ, украинцамъ и литовцамъ не позволяли даже ничего пе-

тать на родномъ языкѣ, полякамъ не позволяли обучать родному языку дѣтей даже просто на дому, не пускали ихъ на службу, стѣсняли во владѣніи землей. Особенно преслѣдовало правительство беззащитныхъ евреевъ. Имъ было запрещено жить вездѣ, кромѣ Западнаго края („черты осѣдлости", и тамъ только „въ городахъ и мѣстечкахъ". Талантливые еврейскіе художники и скульпторы, и выдающіеся ученые не только не находили примѣненія своимъ силамъ, но выселялись за неимѣніемъ „правожительства". Еврейскихъ дѣтей принимали въ школы въ ограниченномъ количествѣ (по „процентной нормѣ", т. е., не больше 3—10 евреевъ на 100 христіанъ), въ солдаты тоже сдавали по особымъ, притѣснительнымъ, правиламъ и безъ выслуги въ офицеры и т. д. Разумѣется, богатые евреи еще могли отъ всего отдѣлаться взяткой полиціи, а бѣднота, загнанная въ грязные, тѣсные кварталы „черты", страдала ужасно. И при томъ во всемъ оказывается виноватъ еврей, на него натравливали темный русскій людъ, пользуясь тѣмъ, что еврей не похожъ на русскаго вѣрой, обычаями, языкомъ. И когда, по понятнымъ причинамъ, „инородческая" молодежь принимала участіе въ революціонномъ движеніи, правительство спѣшило все объяснить „жидовскими", польскими и армянскими и т. д. „интригами" и заговорами.

Такое правительство не могло довести Россію до добра. Въ 1890—92 гг. наступилъ страшный голодъ въ разоренной поборами деревнѣ. Правительство долго скрывало размѣры голода, называя его „недородомъ", препятствуя земству и частнымъ лицамъ помогать крестьянамъ. Но бѣда была слишкомъ велика; чиновники не могли и не хотѣли со всѣмъ справиться, особенно, когда вслѣдъ за голодомъ начались эпидеміи холеры и тифа. Оторванная въ 80-ые годы отъ политической дѣятельности интеллигенція сосредоточилась на „малыхъ дѣлахъ", просвѣщенія и частичной помощи народу, на вопросахъ народнаго и личнаго самоусовершенствованія (большое вліяніе имѣла проповѣдь Льва Толстого, призывавшаго къ „опрощенію" и нравственному самовоспитанію, хотя бы цѣною „недѣланія" и „непротивленія злу насиліемъ")

Когда начался голодъ и эпидеміи, русская интелли-

генція, въ то время уже вполнѣ трудовая и близкая народу по составу, пошла на помощь деревнѣ. Темное крестьянство сначала не вѣрило въ эту помощь, а во время холеры громило „докторовъ“, „разносящихъ“ заразу, но скоро поняло, гдѣ его друзья, гдѣ враги. Произошло сближеніе между интеллигенціей и народомъ, отрѣзанными другъ отъ друга полицейскими рогатками. Разъ допустивъ медицинскую и продовольственную помощь деревнѣ, правительство Александра III было вынуждено допустить и попытки земства въ области народнаго образованія и широкое обсужденіе вопросовъ экономическихъ и культурныхъ въ печати. Жизнь толкала въ дальнѣйшемъ интеллигенцію къ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи. Задушивъ революціонное народовольчество, правительство не могло пріостановить распространеніе въ широкихъ кругахъ самой идеи „народничества“. Писатель Астыревъ былъ сосланъ въ Сибирь за составленія писемъ къ крестьянамъ, объяснявшихъ вину царскаго правительства, которое довело народъ до голода. Небрикова написала смѣлое и честное письмо царю Александру III, указавшее на необходимость реформъ, и конечно тоже попала въ ссылку.

Подъ знаменемъ идеи политической и соціальной реформы въ интересахъ трудящихся работали въ тяжкіе годы „на славномъ посту“ Н. К. Михайловскій и его товарищи въ журналахъ „Отечественныя Записки“ и „Русское Богатство“. Измѣнилось либеральное направленіе, оно стало болѣе требовательнымъ, опредѣленно конституціоннымъ и демократическимъ (Гольцевъ и его кружокъ, журналъ „Русская Мысль“). Множество ученыхъ, учителей, статистиковъ, экономистовъ, земскихъ служащихъ (такъ называемый „третій элементъ“), знакомясь съ жизнью и долею народа, строили планы ея преобразованія. Особое вліяніе на общественное движеніе 90-хъ годовъ оказало развитіе въ Россіи крупной капиталистической промышленности и рабочаго движенія. Росли города и населеніе становилось болѣе сознательнымъ. Правительство, вынужденное развить промышленность, чтобы не отстать отъ другихъ европейскихъ государствъ, старалось привлечь на свою сторону капиталистовъ щед-

рыми субсидіями, чтобы они не требовали свободы, а рабочимъ „фабричнымъ законодательствомъ“ (облегченіе женскаго и дѣтскаго труда, сокращеніемъ рабочаго времени, вознагражденіемъ за увѣчья, надзоръ „фабричной инспекціи“ за гигіеной труда и пр.). Главнымъ покровителемъ промышленности и техническаго образованія былъ умный и хитрый министръ финансовъ С. Ю. Витте. Онъ былъ типичный чиновникъ, противникъ реформъ, но стремился къ усиленію Россіи, какъ государства, ея экономическаго развитія и международнаго вліянія. Промышленники и купцы дѣйствительно оказались (на первое время) опорою правительству, но именно для того, чтобы ихъ вѣрнѣе держать при себѣ, приходилось помогать имъ въ утѣсненіи рабочихъ, такъ какъ интересы этихъ двухъ классовъ общества такъ же рѣзко противоположны, какъ интересы помѣщиковъ и трудового крестьянства. Фабричные законы были недостаточны и плохо соблюдались фабрикантами. Между тѣмъ, рабочіе, болѣе сознательные по самымъ условіямъ своего труда и городской жизни, сплоченные самимъ процессомъ производства въ товарищество, давно уже (съ 70-хъ годовъ) боролись за свои права стачками и предъявленіемъ экономическихъ требованій хозяевамъ. Въ 90-хъ годахъ рабочее движеніе значительно растетъ и принимаетъ опредѣленно соціалистическій характеръ. Во главѣ образующейся къ этому времени соціалъ-демократической партіи становятся старые борцы народники, не присоединившіеся въ свое время къ „Народной Волѣ“ и образовавшіе въ концѣ 70-хъ гг. партію „Черный передѣлъ“ (Г. В. Плехановъ, Вѣра Засуличъ, Л. Дейчъ и др.). Эта партія пыталась продолжать мирную пропаганду соціализма въ народѣ и не признавала политическаго террора. „Черный передѣлъ“ не пользовался особеннымъ вліяніемъ и скоро распался, всѣ его вошли въ составъ новой группы „Освобожденіе труда“. Разочаровавшись въ крестьянствѣ, какъ въ соціалистической силѣ, организаторы группы „Освобожденіе труда“ переносятъ свои главныя надежды на фабрично-заводскихъ рабочихъ. Они принимаютъ и проповѣдуютъ ученіе большинства западно-европейскихъ соціалистовъ, ученіе Карла Маркса, согласно которому въ обществѣ

идетъ непримиримая „классовая борьба“ между капиталистами и рабочими, и единственнымъ исходомъ изъ этой борьбы является достиженіе соціализма. Для того, чтобы бороться за соціализмъ, рабочій классъ долженъ съорганизоваться въ политическую партію. Въ странахъ отсталыхъ, какъ Россія, очередной задачей является борьба съ самодержавіемъ за политическую и гражданскую свободу (демократію), но эта борьба можетъ быть успѣшна только тогда, когда разовьется крупная промышленность и окрѣпнетъ рабочая соціалистическая партія, толкающая на борьбу съ правительствомъ другіе классы (буржуазію, крестьянъ и пр.). Ученіе Маркса раздѣлялось и прежними русскими соціалистами—„народниками“, но они надѣялись, что соціалистической силой въ Россіи будутъ крестьяне и противились (вначалѣ) развитію капитализма, котораго сопровождается обезземеленіемъ крестьянъ и обрекаетъ ихъ на тяжелую эксплоатацію на фабрикѣ (продажу рабочей силы). Народники надѣялись, что Россія благодаря земельной общинѣ и мірскимъ привычкамъ крестьянства сможетъ завершить у себя скорѣе соціалистическую революцію, минуя капитализмъ. Когда жизнь начала разбивать эти мечты, народники обратились къ агитаціи и среди рабочихъ, а затѣмъ признали, что первою задачею должна быть борьба за политическую свободу, въ которой видная роль отводилась именно рабочимъ. Однако, мнѣнія „марксистовъ“ казались „народникамъ“ 60—90 гг. несправедливымъ забвеніемъ интересовъ и нуждъ крестьянства и между этими двумя теченіями въ 90-хъ годахъ начались большіе теоретическіе споры, отразившіеся затѣмъ практически въ организаціи двухъ соціалистическихъ партій „марксистской“ (соціалъ-демократической) и „народнической“ (соціалистовъ-революціонеровъ).

Это произошло уже въ царствованіе Николая II.

VI.

Въ 1894 году скончался отяжелѣвшій отъ пьянства и разгула царь Александръ III и на престолъ вступилъ сынъ его Николай II Александровичъ, незадолго передъ тѣмъ женившійся на принцессѣ Алисѣ Гессенской. Онъ

быть еще молодъ, общество почему-то надѣялось, что жить станетъ легче, и ждало реформъ. Ожиданія оказались совершенно напрасны. Перемѣнилось только имя царя, система цѣликомъ осталась та же. На „адресъ“ (привѣтственное обращеніе) тверскихъ земскихъ дѣятелей, упоминавшій о конституціи, молодой царь отвѣтилъ рѣзкими словами о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“. Въ рѣчи къ волостнымъ старшинамъ передъ коронаціей Николай II напомнилъ крестьянамъ слова своего отца, чтобы они не ждали прирѣзки земли. Послѣ первой большой рабочей стачки въ Ярославлѣ онъ посылалъ свой „царскій поцѣлуй“ солдатамъ полка, разстрѣливавшаго ярославскихъ рабочихъ за мирную уличную демонстрацію. Въ манифестѣ по поводу коронаціи не были отмѣнены тѣлесныя наказанія для крестьянъ и „лишенныхъ правъ“, чего единодушно требовали передовые люди того времени. Коронація Николая II ознаменовалась потрясающей всю Россію „Ходынкой“. На Ходынскомъ полѣ подъ Москвою было устроено народное гулянье, причемъ оказалось, что „начальство“ не озаботилось засыпать рвы, ямы и колодцы на этомъ полѣ; въ результатѣ произошла давка, люди попадали въ эти рвы, въ паникѣ душили и давили другъ друга, погибло множество неповиннаго темнаго народа. Это было какъ бы предзнаменованіемъ трагическаго царствованія. Въ концѣ 90-хъ годовъ продолжалась глухая борьба между передовымъ обществомъ и правительствомъ; оживилась печать, споры „марксистовъ“ и „народниковъ“ давали поводъ къ постановкѣ жгучихъ вопросовъ о будущемъ Россіи, росло рабочее движеніе, волновалось крестьянство, земство боролось за расширеніе народнаго образованія и т. д. Первымъ открытымъ столкновеніемъ были студенческія волненія 1899 г. Студенты требовали права собираться на сходки для обсужденія своихъ нуждъ, организоваться въ кружки и общества, выбирать себѣ старость и свободно заниматься настоящей наукой, а не поддѣльной „благонадежной“ по указанію правительства. На эту борьбу за свободную школу правительство отвѣтило исключеніями, арестами и высылками. Множество молодежи было избито до полусмерти нагайками и шашками во время уличныхъ демонстрацій. Изданы были

жестокія „временныя правила“ о сдачѣ въ солдаты всѣхъ студентовъ, увольняемыхъ за „безпорядки“; можно себѣ представить, какъ обращались съ такими наказанными солдатчиной ненавистными начальству „интеллигентами“-студентами въ старой казармѣ, притуплявшей всѣ чувства и непрерывно унижавшей человѣческое достоинство солдата. Въ томъ же году были изданы въ нарушеніе автономіи (независимаго управленія) Финляндіи особые законы, подчинившіе свободныхъ финляндцевъ во всемъ указамъ русскихъ чиновниковъ. Руководителемъ угнетенія Финляндіи былъ „статсъ-секретарь по финляндскимъ дѣламъ“ Вячеславъ фонъ-Плеве, бывшій главный слѣдователь по дѣламъ „народовольцевъ“, организаторъ всего политическаго сыска. Русскіе журналы за протестъ по дѣламъ Финляндіи были закрыты. Въ Финляндіи, всегда осторожной, послушной и умѣренной началось, въ результатѣ этихъ мѣръ, революціонное движеніе. Финляндская „партія активнаго сопротивленія“ вошла въ объединенное соглашеніе съ русскими революціонерами — образовались соціалистическія революціонныя организаціи и среди поляковъ, литовцевъ, евреевъ, грузинъ, армянъ и др., одинъ изъ много разъ исключенныхъ за „безпорядки“ студентовъ, Петръ Карповичъ, убилъ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова (14 февраля 1901 г.). Карповичъ принадлежалъ къ организовавшейся передъ тѣмъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, продолжающей идейную традицію „Народной Воли“. Выстрѣлъ Карповича, предпринятый имъ еще по личному почину, послужилъ для этой партіи какимъ-то толчкомъ къ возобновленію „террора“ (покушеній), какъ выстрѣлъ Соловьева для народовольцевъ. 4 марта 1901 года произошла на Казанской площади въ Петербургѣ большая демонстрація учащихся, интеллигенціи и рабочихъ противъ „временныхъ правилъ“ о студентахъ-солдатахъ, закончившаяся жестокимъ избіеніемъ участниковъ. Въ 1902 году началось крестьянское „аграрное“ движеніе въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, быстро распространившееся по всей Россіи. Изнуренные поборами, притѣсненіями и малоземельемъ крестьяне нападали на помѣщичьи экономіи, жгли ихъ, уничтожали имущество, посѣвы и пр., иногда убивали помѣщиковъ. Впрочемъ не

вездѣ это движеніе имѣло такой звѣрскій и погромный характеръ, какъ старалось его изобразить правительство, наказывавшее крестьянъ карательными воинскими отрядами, поголовной поркой и т. п. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне не причиняли никакого вреда личности и имуществу помѣщиковъ, только захватывали землю и начинали ее запахивать, забирали въ свою пользу урожай и пр. Правительство само понимало серьезныя причины крестьянскаго движенія, организовавъ для улучшенія положенія крестьянъ „Комитеты о сельско-хозяйственной промышленности“ изъ земскихъ дѣятелей, агрономовъ и пр. Но какъ только передовые люди въ этихъ комитетахъ заговорили о свободѣ и настоящей помощи крестьянамъ, комитеты закрыли и сѣльчаковъ выслали. Усилились и рабочія стачки, сопровождавшіяся уличными демонстраціями и предъявленіемъ политическихъ требованій, и тоже усмирявшіеся разстрѣлами (напр., въ Златоустѣ на Уралѣ). Въ эти годы начинается празднованіе 1-го мая, международнаго праздника рабочихъ. Правительство пробовало обмануть рабочихъ, поручивъ охраннику Зубатову организовать и поддержать экономическое рабочее движеніе въ мирныхъ формахъ, постараться одновременно „выловить“ черезъ доносы всѣхъ соціалистовъ и внушить рабочимъ преданность царю, ненависть къ соціалистамъ и къ „инородцамъ“, затемнить ихъ сознаніе казеннымъ православіемъ, но дѣятельность Зубатова была скоро разоблачена соціалистическими партіями и не имѣла большого успѣха.

Руководителемъ всѣхъ истязаній и разстрѣловъ былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, человѣкъ безъ всякой чести и совѣсти, грубый обжора и развратникъ, темными путями пробравшійся къ власти. 2 апрѣля 1903 года Сипягинъ былъ убитъ членомъ боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ Степаномъ Балмашевымъ. Балмашевъ былъ повѣшенъ, но убійство сильно подняло общественное настроеніе. Боевая организація партіи, руководимая геніальнымъ и энергичнымъ Григоріемъ Гершуни, прославила себя еще убійствомъ уфимскаго губернатора Богдановича (описавшаго разстрѣла рабочихъ въ Златоустѣ на Уралѣ), покушеніемъ на харьковскаго гу-

бернатора Оболенскаго (позвавшаго крестьянское движеніе), на Побѣдоносцева, на виленскаго губернатора фонъ-Валя, показывавшаго розги политическимъ арестантовъ и др. актами. Возмущеніе дѣйствіями правительства было всеобщее. Другія партіи, не одобрявшія политическихъ убійствъ, какъ средства, не достигающаго цѣли (соціалъ-демократы) и даже вовсе отрицавшіе насильственную борьбу (либералы-„освобожденцы") не могли отказать террористамъ въ восторгѣ и уваженіи. Арестъ и заключеніе въ Шлиссельбургъ руководителей организаціи (въ томъ числѣ самого Гершуни) уже не могъ остановить ея дѣятельности. Въ 1903 году разыгралась грандіозныя стачки рабочихъ политическаго характера. Не прекращались и движенія аграрное и студенческое (учебныя заведенія почти бездѣйствовали). Общество было охвачено одинодушнымъ духомъ протеста. Заграничныя революціонныя организаціи развили широкую литературную дѣятельность, пересылая въ Россію очень умѣло свои газеты: „Освобожденіе", подъ редакціей П. Б. Струве, органъ объединенныхъ политическихъ „радикаловъ", „Искра" (позднѣе „Впередъ" и „Пролетарій")—у соціалъ-демократовъ; „Революціонная Россія"—соціалъ-революціонеровъ. Отпечатанныя на тонкой бумагѣ мелкимъ шрифтомъ и запакованныя въ какіе нибудь „невинные" конверты съ печатью промышленной фирмы, эти изданія массами доставлялись въ Россію и нарасхватъ читались вездѣ, отъ гостиной земца-помѣщика до дачужки рабочаго, потому что только изъ нихъ можно было узнать правду. „Легальная" печать была совершенно задавлена цензурой. Правительство попыталось отвести народное движеніе на евреевъ, организовавъ изъ уличной черни ужасные погромы въ Кишиневѣ и Гомелѣ и попытавшись свалить вину за эти звѣрства на самихъ евреевъ, будто бы раздражавшихъ населеніе „ростовщической" эксплоатаціей, „религіознымъ изувѣрствомъ" и революціонной пропагандой. Вся Европа выражала негодованіе по поводу этой бойни, откликнулись на нее и такіе волновавшіе совѣсть народную писатели, какъ Левъ Толстой и Короленко. Вмѣсто настоящихъ виновниковъ погрома въ Гомелѣ судили, такъ безаконно, за все это евреевъ, что адвокаты

отказались участвовать въ процессѣ, а по кишиневскому дѣлу судили одних хулиганов, а не заправил полиции, и царь систематически „миловалъ“ тѣхъ. На Кавказѣ правительство натравливало другъ на друга армянъ и татаръ, расхищало церковныя имущества армянской церкви, лишало всѣхъ правъ мусульманъ и т. д. Царскіе любимцы изъ помѣщиковъ и чиновниковъ расхищали земли мирныхъ кочевниковъ элементъ степного края (башкиръ, киргизовъ). Ставшій въ 1902 г. на мѣсто Сипягина министромъ, гонитель Финляндіи, Вячеславъ фонъ Плеве задумалъ смягчить общество „маленькой побѣдоносной войной“. Война была затѣяна на Дальнемъ Востокѣ. Уже въ 1898—1900 г. русское правительство, мечтая о господствѣ надъ Тихимъ океаномъ и покореніи чуть ли не всей Азіи, подъ предлогомъ защиты иностранцевъ отъ изувѣрства китайцевъ-патріотовъ, вмѣшалось въ китайскія дѣла, совмѣстно съ другими европейскими правительствами, поживившимися на счетъ Китая разными земельными пріобрѣтеніями. Россія получила при этихъ дѣлежахъ Квантунскій полуостровъ у Желтаго моря съ крѣпостью Портъ-Артуромъ. Портъ-Артуръ еще въ 1894 г. былъ отвоеванъ у китайцевъ японцами, но при заключеніи мира переданъ обратно; разумѣется, Японія была подовольна передачею этой же крѣпости Россіи. Мало того: Квантунскій полуостровъ былъ отрѣзанъ отъ русскихъ владѣній (Сибири) китайскими землями (Манчжуріей), и вотъ для того, чтобы соединить новое владѣніе желѣзной дорогой съ Россіей, правительство выхлопотало себѣ право провести эту дорогу черезъ Манчжурію. Разумѣется, въ этихъ земляхъ были назначены русскіе чиновники и поставлены войска; начальство получало громадное жалованье и наживалось безъ всякой совѣсти, обирая китайцевъ. Уже на постройку желѣзной дороги черезъ Сибирь (Великій сибирскій путь) только что были затрачены такія большія средства, что лучшіе люди совѣтовали обождать, тѣмъ болѣе, что все вѣдь шло больше на взятки и въ карманы строителямъ. Но сановники начали раскупать земли въ „новыхъ мѣстахъ“ и наживаться въ выгодныхъ спекуляціяхъ. Въ концѣ концовъ Россія начала считать Манчжурію совсѣмъ своей землей, жур-

палисты-„патріоты“ даже называли ее „Желтороссіей“ и строили планы, какъ обратить китайцевъ въ новыхъ крѣпостныхъ для русскихъ помѣщиковъ. Стало вмѣшиваться русское правительство и въ дѣла сосѣдняго маленькаго государства Кореи. Между тѣмъ Японія, въ которой въ концѣ XIX вѣка произошелъ переворотъ и была уже введена конституція, не уступала европейскимъ государствамъ по военной техникѣ, умственнымъ силамъ, промышленности и пр. На островахъ японцамъ было уже тѣсно, и они тоже были не прочь подчинить своей власти Корею, Квантунскій полуостровъ и Манчжурію. Столкновеніе было неизбѣжно, и Плеве постарался его вызвать поскорѣе. Въ январѣ 1904 г. началась русско-японская война. Народу она была совсѣмъ непонятна, гнали солдатъ зачѣмъ-то за тысячи верстъ, общество волновалось, понимая, что царь и министры хотятъ обезсилить его угрозой внѣшняго врага. Правительство увѣряло въ скорыхъ побѣдахъ, продажные писаки издѣвались надъ жалкими „макаками“—„япошками“. Но оказалось, что у японцевъ войско вооружено и снабжено гораздо лучше нашего, да и солдатъ японскій зналъ, за что воюетъ, не былъ такъ безправенъ и забитъ, какъ нашъ. У насъ же не было никакой распорядительности, и страшныя хищенія во всемъ хозяйствѣ арміи, произволъ и притѣсненія. Уже къ лѣту 1904 г. выяснилось, что война будетъ неудачною, войска, несмотря на геройство, терпятъ пораженія, флотъ былъ весь уничтоженъ, Портъ-Артуръ осажденъ и истощенъ до крайности. Когда въ іюлѣ 1904 г. Плеве былъ убитъ бомбою, брошенной соціалъ-революціонеромъ Егоромъ Сазоновымъ, общество властно потребовало реформъ. За мѣсяцъ до этого въ Финляндіи былъ убитъ генералъ-губернаторъ Бобриковъ, главный помощникъ Плеве по угнетенію финляндцевъ. Новый министръ князь Святополкъ-Мирскій объявилъ „довѣріе“ къ обществу основою своей дѣятельности. Была дана значительная свобода обсужденія политическихъ вопросовъ въ печати. Наступила такъ называемая „весна“ русской революціи. Въ ноябрѣ собрался съѣздъ земскихъ дѣятелей, выработавшій постановленіе о необходимости конституціи. Вслѣдъ затѣмъ, по случаю сорокалѣтія судебныхъ уставовъ Але-

ксандра II, былъ организованъ въ столицахъ рядъ „попокотовъ“ (ужиновъ, съ политическими речами, на которыхъ собиралась масса интеллигенціи и обсуждались вопросы момента, появились и рабочіе-ораторы. Правительство старалось заглушить движеніе, уступки смѣнялись репрессіями. Въ январѣ 1905 г. въ Петербургѣ поднялось сильное движеніе среди рабочихъ. Центромъ его были рабочіе клубы и общества, организованные священникомъ Георгіемъ Гапономъ. Гапонъ первоначально былъ оплотомъ правительства и хотѣлъ повторить попытку Зубатова, но самъ увлекся движеніемъ. Въ средѣ „гапоновскихъ клубовъ“ оживилась и дѣятельность соціалистическихъ партій. Была составлена петиція (прошеніе) Николаю II о необходимыхъ экономическихъ требованіяхъ, политической свободѣ и созывѣ народныхъ представителей. Рабочіе понесли ее 9-го января къ Зимнему дворцу, вмѣстѣ съ иконами и царскимъ портретомъ, но были встрѣчены войсками и безпощадно разстрѣляны („русское кровавое воскресенье“). Выдающихся писателей и ученыхъ (М. Горькаго, Карѣева, Анненскаго и др.), которые, опасаясь этихъ разстрѣловъ, ходили наканунѣ въ депутаціи къ министру хлопотать, чтобы въ народъ не стрѣляли, засадили въ Петропавловскую крѣпость и держали тамъ довольно долго, хотя принуждены были выпустить. Этотъ безумный поступокъ окончательно подорвалъ авторитетъ „царя“ въ глазахъ рабочихъ; съ тѣхъ поръ идеи демократической республики и соціализма получили преобладающее вліяніе въ ихъ кругу. 4-го февраля 1905 года былъ убитъ въ Москвѣ бомбою дядя царя, великій князь Сергѣй Александровичъ, московскій генералъ-губернаторъ — главный виновникъ „Ходынки“, извѣстный развратникъ и жестокій истязатель „политическихъ“ *). Убійца Иванъ Каляевъ — одинъ изъ самыхъ чуткихъ и пламенныхъ борцовъ со зломъ, человѣкъ одного закала съ Лизогубомъ и Степ-

*) Другіе дяди царя то же памятны народу. Владимиръ Александровичъ былъ главнымъ руководителемъ разстрѣловъ 9 января. Алексѣй Александровичъ, управляя во время войны флотомъ, расхищалъ жертвуемыя на усиленіе флота деньги на тысячные подарки своей любовницѣ-балеринѣ.

някомъ, полный любви и перешагнувшій черезъ кровь только по необходимости, былъ казненъ, но широкіе круги общества открыто выражали ему сочувствіе. Весною 1905 г. нанесены были окончательныя пораженія нашимъ войскамъ въ Японіи (разгромъ флота адмирала Рождественскаго у Цусимы). Матросамъ во флотѣ жилось тяжело и они начали волноваться. Въ іюнѣ 1905 г. броненосецъ „Потемкинъ-Таврическій“ поднялъ красныя знамена и пытался увлечь за собою весь флотъ, а когда это не удалось, скрылся въ Румынію. На другихъ кораблях были суды матросовъ, которыхъ судили жестокими военными судами. Правительство уже въ февралѣ обѣщало привлечь выборныхъ къ управленію государствомъ, но законъ о выборахъ разрабатывался тайкомъ, въ канцеляріяхъ и совѣщаніяхъ высшихъ сановниковъ. Въ іюнѣ государь принялъ земскую депутацію, во главѣ съ проф. кн. С. Н. Трубецкимъ, требовавшую конституціи. Наконецъ 6-го августа былъ опубликованъ манифестъ о созывѣ Государственной Думы, никого однако не удовлетворившій. Дума объявлялась учрежденіемъ с о в ѣ щ а т е л ь н ы м ъ (т. е. могла только обсуждать законы, а не принимать ихъ окончательно), депутаты избирались отдѣльно крестьянами, горожанами и землевладѣльцами и то лишь самыми богатыми, не прямо, а черезъ выборщиковъ (двухстепенные выборы). Для крестьянъ же выборы были даже четырехстепенные (отъ 10-ти дворовъ въ волостной сходъ, отъ волостныхъ сходовъ—въ уѣздъ, отъ уѣзда—въ губернію и наконецъ—въ Думу). Правда, крестьянъ было въ Думу предположено избрать много, но это лишь потому, что правительство считало ихъ темными и надѣялось на ихъ „монархическія“ чувства. Въ августѣ 1905 г. была дарована автономія (выборное самоуправленіе) университетамъ, но студенты продолжали волноваться, требуя обезпеченія своихъ правъ и общихъ реформъ. Какъ только былъ заключенъ (въ сентябрѣ 1905 г.) миръ съ Японіей (Россія потеряла всѣ „дальневосточныя“ пріобрѣтенія и половину острова Сахалина), вспыхнула революція. Она началась съ грандіозной желѣзнодорожной забастовки въ октябрѣ 1905 г., къ желѣзнодорожникамъ присоединились всѣ заводскіе рабочіе, студенты и даже гимназисты и люди

интеллигентныхъ профессій. Въ университетахъ начали собираться громадные митинги, такъ какъ въ другихъ мѣстахъ собранія воспрещались. Забастовка распространилась и на Финляндію. Въ Петербургѣ собрался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ съ представителями соціалистическихъ партій. Интеллигенція организовалась въ профессіональные союзы, объединившіеся въ Союзъ Союзовъ, пославшій въ Совѣтъ также своего представителя. По совѣту министра финансовъ Витте, заключившаго только что миръ съ японцами, царь издалъ манифестъ 17-го октября 1905 г. Манифестъ этотъ: 1) объявилъ „неприкосновенность личности“ (отмѣну произвольныхъ обысковъ, арестовъ, разстрѣловъ, высылокъ и пр.), свободу совѣсти, слова, собраній и союзовъ, 2) обѣщалъ расширить кругъ избирателей въ Государственную Думу и поручить ей самой разработку вопроса о введеніи „общаго“ избирательнаго права; 3) далъ Думѣ права законодательнаго учрежденія и право контроля надъ правительствомъ. Одновременно былъ обѣщанъ законъ о пополненіи Государственнаго Совѣта членами по выбору отъ дворянства, промышленности и торговли, духовенства и ученыхъ учрежденій (университетовъ и академій). Черезъ нѣсколько дней была объявлена „амнистія“ всѣмъ участникамъ въ революціонномъ движеніи октябрьскихъ дней, а также „прежнимъ политическимъ преступникамъ“, однако далеко не всѣмъ. Эта амнистія освободила народовольцевъ-шлиссельбуржцевъ, какимъ удалось дожить до 1905 года. Террористы 1900—05 гг. (Гершуни, Карповичъ, Сазоновъ и др.) были переведены изъ Шлиссельбурга на сибирскую каторгу. Послѣ 17-го октября возстановлена была полностью автономія Финляндіи и тамъ собрался сеймъ (депутаты, созванные на основаніи всеобщихъ выборовъ, не исключая женщинъ). Сейму пришлось вести тяжелую борьбу съ правительствомъ за укрѣпленіе финляндской свободы, которая снова скоро подверглась покушеніямъ.

Когда же русскіе граждане захотѣли на дѣлѣ воспользоваться свободою собраній и собраться на митингѣ, ихъ сейчасъ же стали разгонять полиція, войска, казаки; въ первый же день послѣ манифеста во всѣхъ большихъ

городахъ оказались убитые и раненые при такихъ разгонахъ. За свободныя рѣчи и статьи также начали арестовывать и карать по прежнимъ законамъ, придравшись къ тому, что „неблагодарные“ за царскую милость русскіе люди продолжаютъ и послѣ амнистіи революціонную дѣятельность. Чтобы оправдать свою дѣятельность и доказать, будто самъ народъ не хочетъ свободы, правительство организовало темныхъ людей въ „черныя сотни“, которыя избивали собравшихся на митинги. Черносотенцы эти были всякіе чиновники и полиція, шпіоны, подкупленные правительствомъ, дворники, богатые купцы и невѣжественные хулиганы, подкупленные деньгами и водкой. Правительство поощряло ихъ организаціи (напр. „Союзъ русскаго народа“), организовало изъ нихъ процессіи съ иконами и царскими портретами, съ пѣніемъ „Боже, царя храни“, выдавало имъ денежныя субсидіи и оружіе. Черносотенцы нападали на беззащитныхъ „инородцевъ“, устраивали погромы евреевъ и интеллигенціи, убійства отдѣльныхъ друзей народа. Они сами стрѣляли изъ оконъ домовъ, а потомъ набрасывались на интеллигенцію будто бы за эти выстрѣлы, натравливали темный народъ на „смутьяновъ“. Ужасные погромы произошли въ Кіевѣ, въ Одессѣ, въ Вологдѣ (сожженъ былъ народный домъ, гдѣ происходилъ митингъ), Томскѣ, Твери (разгромъ земской управы), Севастополѣ и др. городахъ. Когда соціалистическія партіи и вообще мирные граждане пытались сорганизоваться въ дружины для самообороны отъ хулигановъ, ихъ обвиняли въ попыткѣ насильственныхъ возстаній, отнимали оружіе, предавали военному суду, разстрѣливали или избивали въ участкахъ. Такимъ образомъ все, что правительство давало одною рукой, оно отнимало другой. Но манифестомъ хитрой Витте внесъ розни въ объединенное передъ тѣмъ чувствомъ протеста и негодованія русское общество. Образовались рабочія политическія партіи, каждая изъ которыхъ настаивала на своемъ, движеніе было ослаблено. „Правыя“ партіи, состоявшія главнымъ образомъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, богатыхъ купцовъ, промышленниковъ, чиновниковъ и т. д., боялись дальнѣйшаго развитія революціи, они требовали „порядка“ и возстановленія „твердой вла-

сти", не хотѣли всеобщаго избирательнаго права, а только выборовъ съ перевѣсомъ въ пользу богатыхъ, не признавали равноправія и независимости другихъ народовъ, кромѣ „державнаго" русскаго, выражали желаніе, чтобы свобода была ограничена „закономъ". Манифестъ 17-го октября ихъ вполнѣ удовлетворялъ и они объединились (кромѣ крайнихъ уродовъ-черносотенцевъ, въ „Союзъ 17-го октября" („октябристы") для поддержки правительства и скорѣйшаго созыва Думы. Они вообще не признавали, что народъ завоевалъ свободу, а считали, что ее дала царская милость, и подчинялись во всемъ царю. Особенно боялись они рабочихъ и крестьянъ, ихъ самодѣятельности и потому были противъ всякихъ широкихъ соціальныхъ и экономическихъ реформъ (передачи земли народу, 8-мичасового рабочаго дня и проч.), надѣясь, что все устроится маленькими подачками народу. Большинство интеллигенціи (профессора, инженеры, адвокаты, писатели, передовые помѣщики-земцы и промышленники) объединились въ партію конституціоналистовъ-демократовъ, или народной свободы (кадетовъ). Эта партія стояла за дальнѣйшее расширеніе правъ народа (всеобщее избирательное право, равенство, „свободы", равноправіе всѣхъ народностей, автономія Польши, Финляндіи) и даже за конституціонную монархію высказывалась только потому, что считала идею республики еще непонятной крестьянамъ, вѣрующимъ въ царя. Какъ люди очень образованные, „кадеты" видѣли, что революція не можетъ ограничиться политическими (государственными) преобразованіями, что нужны коренныя реформы соціальныя, высказались за широкое рабочее законодательство и земельную реформу, на началахъ надѣленія крестьянъ землею частью въ собственность, частью во временное владѣніе изъ „государственнаго фонда", образованнаго принудительнымъ отчужденіемъ помѣщичьихъ земель и конфискаціей земель казенныхъ, удѣльныхъ, „кабинетскихъ", монастырскихъ и пр. Но всѣ эти реформы они откладывали до созыва Государственной Думы, которая, молъ, скажетъ царю всю правду и добьется расширенія народныхъ правъ и благосостоянія. Кадеты все рисовали себѣ

слишкомъ въ мирномъ и розовомъ свѣтѣ; они не знали всей невыносимой тяжести народной жизни и слишкомъ вѣрили въ желаніе царскаго правительства помочь народу. Вообще сила этой партіи была въ томъ, что въ ней было много умныхъ и выдающихся людей, извѣстныхъ какъ искренніе защитники народныхъ интересовъ, а слабость въ томъ, что она не опиралась ни на какой классъ; была слишкомъ смѣшана по составу. Правительству и зажиточнымъ классамъ казалось, что „кадеты“ — смутьяны, что они хотятъ дать народу слишкомъ много воли, а рабочимъ и крестьянамъ они казались „барами“, которые все хотятъ учить да няньчить народъ, а настоящей воли по-своему жизнь устроить ему не даютъ. Народу кадеты мало вѣрили, считая его „темнымъ“ и „незрѣлымъ“, а правительству слишкомъ вѣрили. Оттого среди самихъ „кадетовъ“ скоро начались раздоры, богатые помѣщики и промышленники изъ ихъ же партіи, боясь революціи, тянули „вправо“, готовы были продать свободу за свои богатства и преимущества, а люди идейные (ученые, интеллигенція) больше „влѣво“, настаивали на полнотѣ народныхъ правъ и свободы, да все же не совсѣмъ влѣво, потому что все народъ „воспитывать“ хотѣли и повисли въ воздухѣ. Наконецъ партіи „лѣвыя“ соціалистическія *) говорили, что завоеваніе свободы только первый шагъ въ борьбѣ за полное преобразованіе общества на началахъ труда и равенства (соціализмъ), за которое теперь начинаетъ русскій народъ бороться рука объ руку съ трудящимися классами Запада (рабочимъ соціалистическимъ Интернаціоналомъ), и потому важно, чтобы Россія, отсталая и слишкомъ истомленная долгимъ рабствомъ, сдѣлала возможно большой шагъ впередъ, чтобы облегчить эту дальнѣйшую борьбу. Они доказывали, что правительство обманываетъ народъ подачками (какъ и при Александрѣ II) и не надо его уговорамъ поддаваться, надо, не дожидаясь созыва Государственной Думы и не признавая ее законнымъ представительствомъ народа, про-

*) «Лѣвыхъ» не соціалистовъ («буржуазныхъ республиканцевъ») было очень мало и они были еще слабѣе кадетовъ.

должать революціонную, насильственную борьбу, пока царское самодержавіе не будетъ окончательно свергнуто; власть тогда перейдетъ въ руки народа, осуществится настоящая свобода и равенство, соберется немедленно Учредительное Собраніе, которое установитъ въ Россіи демократическую, федеративную (союзную изъ равноправныхъ націй и областей) республику, передастъ народу землю, расширитъ права рабочихъ и пр. За этими партіями шла передовая, сознательная часть рабочихъ и крестьянъ и они имѣли настоящую опору въ массѣ. Но они преувеличили свои силы; масса рабочихъ и крестьянъ была еще темна и придавлена рабствомъ былымъ и бѣдностью и не ясно разбирала, гдѣ друзья, гдѣ враги народа. Поэтому, когда Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и Союзъ Союзовъ, гдѣ большинство руководителей принадлежало къ этимъ партіямъ, стали призывать народъ къ новымъ забастовкамъ въ знакъ протеста противъ звѣрствъ правительства и черносотенцевъ („усмиренія“ Польши, добивавшейся „автономіи“ по финляндскому образцу, военныхъ судовъ надъ волновавшимися матросами и т. д.), за ними пошли только небольшія группы рабочихъ. Забастовки не удались, не удалось и осуществленіе на заводахъ 8-мичасового дня „явочнымъ порядкомъ“. Болѣе удачно прошла только забастовка служащихъ почты и телеграфа, выдвинувшихъ профессіональныя требованія. Во время этой забастовки многіе „умѣренные“ обыватели старались замѣнить служащихъ своими силами, нозорно „ломая“ стачку. Весь ноябрь и декабрь мѣсяцъ прошелъ въ отчаянной борьбѣ народа съ властью. Когда Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и соціалистическія партіи выпустили въ началѣ декабря „манифестъ“ къ народу, призывавшій не давать царскому правительству податей и солдатъ, брать вклады изъ сберегательныхъ кассъ и организоваться помимо правительства, Совѣтъ былъ арестованъ. Рабочіе не могли защитить своихъ представителей, потому что всѣ предшествующія выступленія уже ослабили ихъ организаціи; лучшіе люди были выхвачены, отправлены въ тюрьму и въ ссылку. Революціонное движеніе, правда, охватило всю Россію, но велось оно разрозненно вспышками и въ провинціи конечно еще менѣе

многочисленными передовыми отрядами, чѣмъ въ столицѣ. Среди самихъ соціалистовъ были большіе споры и разногласія; соціалъ-демократы обращали вниманіе главнымъ образомъ на рабочее городское движеніе и не считались съ крестьянскимъ, соціалъ-революціонеры, напротивъ, работали въ деревнѣ больше, чѣмъ въ городѣ, и всѣ надежды возлагали на крестьянскую революцію. Соціалъ-демократы возлагали надежды на объединенное и одновременное вооруженное возстаніе и были противъ „террора" (убійства отдѣльныхъ угнетателей народа), а соціалъ-революціонеры усиленно практиковали такой терроръ, считая, что онъ расшатываетъ авторитетъ власти и раскачиваетъ сонное общество. Обѣ партіи расходились по многимъ вопросамъ и слишкомъ спорили между собою, а также и съ кадетами, и лѣвыми (республиканцами) не соціалистами, забывая, что „дѣлять шкуру еще не убитаго медвѣдя", что правительство Николая II еще очень сильно (вѣдь всѣ охранники, полиція, суды были тогда на мѣстахъ, а войско—темная молодежь—слушалось царя) и что надо бы пока, забывъ раздоръ, о б ъ е д и н и т ь всѣ силы противъ общаго, главнаго и могучаго врага. Разумѣется, и „кадеты" грѣшили тѣмъ же; стараясь, чтобы правительство ихъ не смѣшало съ „насильниками" и „бунтовщиками"-революціонерами и дало имъ возможность открытаго, „легальнаго" существованія". По всей Россіи шла героическая борьба за свободу; настоящая война между народомъ и царскою властью. Въ разныхъ мѣстахъ народъ захватывалъ власть въ свои руки, провозглашая маленькія „республики", которыя скоро уничтожались войсками и полиціей. Правительство покрыло всю страну висѣлицами, разстрѣливало рабочихъ и крестьянъ, истязало революціонеровъ въ тюрьмахъ, жестоко усмиряло возстанія рабочихъ, крестьянъ и войска. Особенное негодованіе въ обществѣ вызвало истязаніе молодой дѣвушки-революціонерки Маріи Спиридоновой. Схваченная жандармами послѣ совершеннаго ею, по порученію партіей соціалистовъ-революціонеровъ, убійства одного царскаго чиновника, истязателя крестьянъ, Спиридонова подверглась такимъ ужасныхъ оскорбленіямъ и пыткамъ въ камерѣ тюрьмы, что даже умѣренныя газеты

требовали суда надъ ея палачами. Но правительство осудило Спиридонову на каторгу, а палачей ея „покрыло". Они были скоро убиты революціонерами. Противъ правительства подымались часто и люди не-партійные, возмущенные обманнымъ характеромъ манифеста. Таковъ, напримѣръ, былъ „красный адмиралъ", лейтенантъ Петръ Шмидтъ, организовавшій грандіозное возстаніе судовъ Черноморскаго флота подъ лозунгомъ Учредительнаго Собранія и довольно долго сопротивлявшійся правительственному флоту со своей революціонной эскадрой, въ концѣ концовъ побѣжденный и разстрѣлянный съ 4-мя товарищами-матросами, вопреки горячему протесту всего передового общества. Звѣрства правительства вызвали единодушный протестъ противъ смертной казни, всѣ требовали ея отмѣны, но правительство увѣряло (и правыя партіи его поддерживали), что оно только борется съ возстаніями и не можетъ прекратить казней, военныхъ судовъ и т. д., пока революціонеры на него нападаютъ. Между тѣмъ всѣ организованные революціонными, соціалистическими партіями возстанія и убійства народныхъ палачей были какъ разъ напротивъ вынужденнымъ отвѣтомъ соціалистовъ на правительственныя безобразія. Повторялось то же, что при Александрѣ II; люди полные любви и мира шли на кровавую борьбу, потому что не было другихъ средствъ, только теперь это ужъ была не кучка, а большая масса борцовъ. Но чѣмъ болѣе свирѣпствовало правительство, тѣмъ болѣе падало жертвъ. Правительство систематически озлобляло своихъ враговъ, повергло всю страну въ хаосъ разрушенія, такъ что уже и сами соціалисты не могли справиться со стихійнымъ негодованіемъ крестьянской и рабочей массы и отдѣльныхъ горячихъ головъ изъ мѣстныхъ организацій, прорывавшихся къ безудержнымъ убійствамъ и возстаніямъ. Между тѣмъ попытка организованнаго всенароднаго возстанія въ декабрѣ 1905 года не удалась; только въ Москвѣ дошло дѣло до настоящихъ баррикадъ и упорнаго уличнаго боя, продолжавшагося около двухъ недѣль. Правительство усмирило московское возстаніе съ помощью гвардіи. Гвардейскіе солдаты были нарочно лучше снабжены пищей, водкой и пр., и развращены монархической агитаціей. Семеновскій

полкъ подъ командой Мина и Римана помогъ жестокому генералъ-губернатору Москвы Дубасову раздавить декабрьское возстаніе, разгромивъ множество домовъ въ Москвѣ и разстрѣливая мирныхъ жителей, а потомъ двинулся по прилегающимъ къ Москвѣ желѣзнымъ дорогамъ со знаменитыми „карательными экспедиціями“, уничтожая на пути всякаго „подозрительнаго“. Экспедиціи эти разгромили организацію желѣзнодорожниковъ и обезпечили правительство отъ угрозы желѣзнодорожной забастовки, которая была очень важнымъ орудіемъ въ рукахъ революціонеровъ (въ октябрѣ забастовка началась какъ разъ съ „московскаго узла“). Такія же кровавыя экспедиціи разыгрались въ Сибири (ген. Ренненкампфъ и Меллеръ-Закомельскій), на Кавказѣ (Алихановъ), на югѣ Россіи (Карангозовъ), въ Польшѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ (Орловъ) и др. мѣстахъ. Справедливо говорили тогда, что правительство „завоевало“ всѣ эти области, какъ будто какія-то вражескія страны. Руководители экспедицій были почти всѣ убиты потомъ революціонерами, но масса была запугана. Всѣ зажиточные классы, боявшіеся крестьянскаго движенія, русскіе „зубры“-помѣщики, польскіе паны и нѣмецкіе бароны въ борьбѣ своей съ крестьянствомъ готовы были поддержать это озвѣрѣвшее правительство, лишь бы сберечь свои преимущества. Уже началась вражда „общества“ къ революціонерамъ. Немногіе честные, идейные люди протестовали, но правительство зажимало имъ ротъ. На печать сыпались аресты, штрафы, конфискаціи, закрытія газетъ и журналовъ. Редакторы и писатели непрерывно попадали подъ суды, въ крѣпость. Тюрьмы и каторга были полны. Собранія и союзы закрыты и разогнаны. Однако повернуть в с ѣ назадъ правительство было уже не въ силахъ. Соціалистическія партіи вышли изъ подполья и политическіе идеалы стали предметомъ открытаго обсужденія. Новые временные законы о свободѣ совѣсти (17-го апрѣля 1905 г.), печати и собраній (4-го марта 1906 г.), какъ бы они ни были ограничены и двусмысленны, какъ бы ни урѣзывались на практикѣ, все же стѣсняли произволъ власти и главное давали возможность проявляться открытой критикѣ и разнообразію мнѣній. Общество жило, шевелилось, приходилось его карать

за мысли и дѣянія, но уже затруднена была возможность прекратить проявленіе общественной самодѣятельности. Надо было выполнить обѣщаніе о расширеніи избирательныхъ правъ. Указомъ 11-го декабря 1905 г. правительству пришлось значительно понизить избирательный цензъ городскихъ жителей, предоставивъ право голоса не только платящимъ налоги, но и всѣмъ имѣющимъ квартиру на свое имя. Фабричный и интеллигентный пролетаріатъ, живущій по угламъ и комнатамъ такимъ образомъ, все же не получилъ этихъ правъ; для рабочихъ было организовано отдѣльное представительство съ трехстепенными выборами (уполномоченные отъ заводовъ, выборщики, депутаты), причемъ однако непремѣнное избраніе депутата-рабочаго обезпечено не было. Лѣвыя партіи, надѣявшіяся еще на революціонное движеніе, рѣшили „бойкотировать“ Думу. Жизнь скоро показала, что они переоцѣнили свои силы, крестьянство въ Думу вѣрило и приняло дѣятельное участіе въ выборахъ. Между тѣмъ, отказавшись отъ выставленія своихъ кандидатовъ въ Думу и не желая остаться въ сторонѣ отъ выборовъ, соціалисты были вынуждены активно имъ противодѣйствовать и вообще продолжать чисто революціонную дѣятельность, которая уже не встрѣчала сочувствія широкихъ массъ и чрезвычайно ослабляла силы соціалистическихъ партій, подвергая ихъ репрессіямъ правительства, которое изымало изъ рядовъ ненавистныхъ ему „лѣвыхъ“ всѣхъ самыхъ дѣятельныхъ и выдающихся членовъ, ослабляя и дезорганизуя эти партіи. Правительство пыталось даже вовсе ихъ уничтожить, разъяснивъ, черезъ посредство услужливыхъ сенаторовъ, что принадлежность къ такимъ партіямъ, какъ „сообществамъ, ставящимъ своею цѣлью насильственное ниспроверженіе существующаго государственнаго строя“, карается каторжными работами, но жизнь дѣлала свое, и пришлось ограничить дѣйствіе этого закона лишь кругомъ лицъ „уличенныхъ“ въ дѣятельной и организаціонной работѣ въ рядахъ партій, поддерживаніе же идей и программы партіи признано было допустимымъ, хотя, разумѣется, литературная и публично-словесная защита этихъ идей каралась по законамъ о печати и собраніяхъ („призывы къ ниспроверженію суще-

ствующаго строя, „оскорбленіе величества“, „восхваленіе преступныхъ дѣяній“ и т. п.). Были созданы особыя „обязательныя постановленія“ губернаторовъ и градоначальниковъ, дававшія имъ право безъ суда штрафовать, заключать на срокъ подъ арестъ, высылать и т. п. лицъ, виновныхъ въ этихъ дѣяніяхъ, судебная же власть могла „пріостановить“ подслѣдственную газету до окончательнаго рѣшенія суда. Съ помощью этихъ средствъ правительство брало „измором“ враждебныя ему изданія, у которыхъ нехватало денегъ на штрафы, и подставныхъ редакторовъ „для отсидки“. Такая борьба и продолжалась непрерывно до самой войны 1914 г., особенно тяжело приходилось отъ нея дешевымъ рабочимъ и крестьянскимъ газетамъ. Также стѣснялись рабочіе клубы, профессіональные союзы, кооперативы, общества и тому подобное. Вся жизнь превратилась въ неустанныя стычки за клочекъ народной свободы. Между тѣмъ общество было распылено на мелкія партіи и группы, враждовавшіе между собою. Соціалъ-демократы уже давно раскололись по вопросу о принципахъ организаціи партіи на „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“; меньшевики теперь стояли за выборы въ Думу и болѣе мирную тактику, большевики—за бойкотъ и энергичную подготовку вооруженнаго возстанія. Соціалисты-революціонеры попали въ очень тяжелое положеніе изъ-за своей террористической тактики: они не могли отъ нея отказаться, разъ политическая свобода не была прочно завоевана, но терроръ распылился, сталъ массовымъ явленіемъ, партія не одобряла злоупотребленій этимъ серьезнымъ средствомъ борьбы, вносящихъ анархію и разжигавшихъ кровожадные инстинкты массъ, но не въ силахъ была ихъ остановить. Правительство и правые обвиняли соціалъ-революціонеровъ во всѣхъ эксцессахъ и считали ихъ шайкой разбойниковъ, настаивая на неизбѣжности смертной казни, разъ продолжаются убійства. Группа литераторовъ и общественныхъ дѣятелей, симпатизировавшихъ основнымъ принципамъ партіи соціалъ-революціонеровъ, но не раздѣлявшихъ всѣхъ ея крайнихъ выводовъ и пріемовъ борьбы, попыталась сорганизоваться въ „партію народныхъ соціалистовъ“ („н-с“, „эн-эсы“), отвергнувшую терроръ, не настаивавшую на

республикѣ и предъявившую менѣе решительную про-
грамму земельныхъ реформъ. Но правительству и эта про-
грамма была нежелательна, оно запретило партію „н с",
которая только внесла расколъ въ ряды народниковъ,
оставшись безсильной и малочисленной. Съ другой сто-
роны, увлекающаяся идеей террора и соціализма моло-
дежь изъ той же партіи соціалистовъ-революціонеровъ,
призывала къ убійствамъ фабрикантовъ и помѣщиковъ и
немедленному захвату всѣхъ фабрикъ, заводовъ, земли и
денежныхъ суммъ рабочими и крестьянами („максимали-
сты", т. е. требующіе наибольшаго). Появилась и
партія анархистовъ, стремившаяся къ совершенной отмѣнѣ
государства, замѣнѣ его „вольнымъ союзомъ общинъ", и
потому уничтоженію частной собственности (коммунизму),
средствомъ для этого признавался непрерывный бунтъ и
захватъ имуществъ, причемъ въ темной массѣ идеи анар-
хистовъ были поняты, какъ простой призывъ къ гра-
жамъ и еще болѣе озлобили „умѣренныхъ". Между всѣми
этими партіями дѣйствительно были большія теоретиче-
скія, идейныя разногласія и споры—обсужденія этихъ во-
просовъ на страницахъ печати, въ собраніяхъ и т. д.
были очень нужны и полезны, но къ сожалѣнію каждая
партія относилась къ другимъ крайне нетерпимо,
считая свою точку зрѣнія единственно правиль-
ной. Вмѣсто товарищескихъ споровъ объ отдаленныхъ
цѣляхъ, которыя могли бы не мѣшать объединенному дѣй-
ствію партій, стремившихся къ коренному преобразованію,
противъ общаго могучаго врага, создавался организа-
ціонный разбродъ, вражда и жестокая „полемика", пре-
увеличивавшая до крайности „непримиримость" разногла-
сій, стремившаяся всегда втоптать въ грязь противника,
уличить его въ „умѣренности", измѣнѣ дѣлу революціи и
тому подобное. Нѣкоторое объединеніе пытались внести
Всесоюзы, наиболѣе замѣчательнымъ изъ которыхъ былъ Все-
россійскій Крестьянскій Союзъ, почти полностью при-
вшій программу соціалъ-революціонеровъ.

Дума должна была собраться 27-го апрѣля 1906 г.
Въ февралѣ правительство издало подробное „положеніе"
о Думѣ, чрезвычайно стѣснившее кругъ ея дѣятельности
и поставившее надъ нею Государственный Совѣтъ изъ

назначенныхъ и выборныхъ отъ богатыхъ членовъ, который долженъ былъ пересматривать всѣ рѣшенія Думы (Верхняя палата). За нѣсколько дней до открытія Думы правительство, уже знавшее черезъ своихъ шпіоновъ, что, несмотря на всѣ помѣхи полиціи свободѣ выборовъ, аресту неблагонадежныхъ кандидатовъ и т. п., противники правительства выбраны въ большинствѣ (и въ томъ числѣ отъ крестьянъ, на которыхъ они такъ „надѣялись"), издало „основные законы", которые Дума не имѣла права передѣлывать. Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы Дума не вздумала проектировать коренного преобразованія Россіи (не превратилась въ Учредительное Собраніе), а занималась бы только тѣми мелкими текущими дѣлами, какіе ей хотѣло навязать правительство. И дѣйствительно первый законодательный проектъ, внесенный Горемыкинымъ на разсмотрѣніе 1-й Госуд. Думы, былъ о... Юрьевской прачешной!..

Въ „основныхъ" законахъ говорилось о верховной власти царя, который, несмотря на то, что Россія стала явно конституціонной монархіей, попрежнему именовался „Самодержцемъ", и о Государственномъ Совѣтѣ, и о министрахъ, которыхъ назначалъ и увольнялъ царь, не считаясь съ мнѣніемъ Думы (т. е. не было отвѣтственности министровъ, какая требовалась даже „кадетами"), и объ изъятіи изъ вѣдѣнія Думы вопросовъ о порядкахъ въ арміи и флотѣ, о расходахъ на придворную жизнь и подачки царя изъ народныхъ денегъ и т. п. Въ Думѣ большинство составилось изъ убѣжденныхъ и послѣдовательныхъ „кадетовъ". Рядомъ съ ними слѣва стояла „Трудовая Группа", объединившая въ себѣ депутатовъ-крестьянъ, требовавшихъ коренныхъ демократическихъ реформъ и передачи земли народу; позже образовалась еще небольшая группа соціалъ-демократовъ. „Правыхъ" было въ Думѣ совсѣмъ немного, и то это были либо безпартійные, сѣрые крестьяне, либо умѣренные либералы-земцы изъ честныхъ баръ-стариковъ, искренне хотѣвшихъ постепенныхъ реформъ и „успокоенія".

Дума единодушно требовала амнистіи на первомъ же засѣданіи, въ „адресѣ" государю она говорила и о свободахъ и равноправіи гражданъ безъ исключенія жен-

щинъ, о всеобщемъ избирательномъ правѣ, уничтоженіи смертной казни, земельной реформѣ на основѣ принудительнаго отчужденія земли въ пользу трудящихся, рабочемъ законодательствѣ, реформахъ въ арміи и флотѣ, переложеніи налоговъ на богатыхъ, требовали суда надъ палачами свободы и черносотенцами, прекращенія произвола властей, обысковъ, арестовъ и пр. Дума работала довольно единодушно и выработала много проектовъ коренныхъ преобразованій, но правительство не обращало на нее никакого вниманія. Царь не принялъ лично председателя Думы, проф. Муромцева, съ адресомъ. Министръ Горемыкинъ, старый чиновникъ-холопъ царя, отвѣтилъ на адресъ Думы, что она мѣшается не въ свое дѣло, въ „основные законы", что собственность на землю священна и неприкосновенна, что правительство чинитъ судъ и расправу „по существующимъ законамъ", усмиряя бунтовщиковъ. Во время засѣданій Думы продолжались аресты, высылки и казни (Дума даже вынуждена была освистать и выгнать военнаго прокурора Павлова, скорбно укатаго революціонерами, когда онъ явился оправдывать палачество). Во время засѣданій Думы былъ устроенъ еврейскій погромъ въ Бѣлостокѣ, явно созданный переодѣтыми сыщиками, и виновники его, несмотря на разслѣдованіе Думы, остались безнаказанны. Черносотенцы продолжали безчинствовать, и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" печатались, несмотря на всѣ протесты Думы, сфабрикованные охранническими „союзами русскихъ людей" верноподданническія телеграммы царю съ просьбами обуздать и разогнать крамольную, инородческую Думу, править землею попрежнему. Особенно же рѣзко разошлись царское правительство и Дума по вопросу о землѣ. Правительство опубликовало сообщеніе къ народу, причемъ составило его такъ, что выходило, будто и Дума такъ хочетъ, и этимъ думало поссорить Думу съ крестьянствомъ. Депутаты выработали свое воззваніе-отчетъ о работѣ и обѣщаніе передать землю народу, тогда правительство распустило Думу и назначило созывъ новой по выборамъ только на 20-е февраля 1907 г. Депутаты собрались въ г. Выборгѣ (вообще Финляндія еще пользовалась въ то время свободою и тамъ можно было собираться) и выработали воззваніе

къ народу о неплатежѣ податей и невыдачѣ рекрутъ. Но воззваніе не имѣло успѣха, да и сами депутаты-кадеты не старались осуществить его требованія въ жизни. Революціонныя партіи пытались поднять возстанія моряковъ въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ, вспыхивали кое гдѣ рабочія и крестьянскія волненія, но все было быстро подавлено. Черезъ нѣсколько дней послѣ закрытія Думы былъ беззаконно убитъ черносотенцами, и притомъ среди бѣла дня, въ Финляндіи кадетскій депутатъ профессоръ-экономистъ Герценштейнъ, главный защитникъ проектовъ Думы о передачи земли крестьянамъ, особенно рѣзко споривши й съ министрами. Финляндскій судъ раскрылъ убійцъ, видныхъ членовъ „союза русскаго народа“, но правительство сумѣло „затушить“ дѣло. Во главѣ правительства сталъ министръ Столыпинъ, человѣкъ не особенно умный, но властный, жестокій и хитрый. Онъ установилъ особые „военно-полевые“ суды для революціонеровъ, которые могли всѣхъ заподозрѣнныхъ приговаривать и вѣшать въ нѣсколько часовъ. „Суды“ сейчасъ же пошли въ ходъ, и погибло множество невинныхъ. Великая совѣсть народа. Л. Н. Толстой, не могъ мириться съ узаконеннымъ злодѣяніемъ правительства, и въ воплѣ „Не могу молчать!“ просилъ „намыленную веревку“ на свою старческую шею. Леонидъ Андреевъ написалъ „Разсказъ о семи повѣшенныхъ“. Россія покрылась висѣлицами. Революціонеры не сдавались, ими было убито нѣсколько видныхъ палачей; „максималисты“ взорвали дачу Столыпина, но онъ остался живъ, погибло лишь множество людей, и умѣренные имѣли возможность опять во всемъ обвинять „жестокость“ бунтовщиковъ. Вообще революціонное движеніе приняло окончательно „распыленный“, безпорядочный характеръ. Особенно много зла принесли такъ называемыя „экспропріаціи“, т. е. захваты вооруженной силой денежныхъ суммъ. Первыя крупныя экспропріаціи, совершенныя тѣми же максималистами (напр. въ Московскомъ банкѣ и въ Фонарномъ переулкѣ, въ Петербургѣ, изъ перевозившихся въ казначейство денегъ и др.), еще имѣли нѣкоторое оправданіе. Они поражали всѣхъ своей смѣлостью, значительностью похищеннаго, нападали на правительственныя только средства, и деньги были обращены на революціонное движеніе. Но это

былъ очень опасный путь; сейчасъ же начались просто массовыя грабежи частныхъ, и притомъ даже очень ничтожныхъ, суммъ, просто въ пользу грабителей, революція смѣшалась съ уголовщиной, и наступилъ нравственный развалъ во всѣхъ организаціяхъ. Другимъ проявленіемъ этого развала были постоянные доносы, выдававшіе товарищей по партіи; къ движенію многіе примкнули несознательно, правительство, запугивая однихъ и соблазняя другихъ деньгами, проникало внутрь революціонныхъ организацій и разрушало ихъ. Началась (существовавшая и раньше) систематическая провокація, агенты охраны притворялись крайними революціонерами, подбивали горячую молодежь на покушенія и грабежи, а потомъ выдавали всѣхъ головой и получали награду. Судьба каждаго человѣка оказалась въ рукахъ невѣжественныхъ и преступныхъ сыщиковъ, которые даже правительству служили ради личныхъ выгодъ и готовы были все продать за награду. Черносотенцы тоже старались заработать денежки на крови своихъ жертвъ и устраивали поддѣльныя покушенія, выстрѣлы и т. п., вызывали погромы. Осенью 1906 г. состоялось много политическихъ процессовъ за „революцію“, многіе были осуждены, Шлиссельбургъ и Сибирь снова наполнились жертвами произвола. Члены Совѣта Рабочихъ Депутатовъ были сосланы на поселеніе въ Сибирь, такъ какъ не удалось доказать, что они призывали къ возстанію. Перводумцы - „выборжцы“ приговорены къ трехмѣсячному тюремному заключенію и лишены избирательныхъ правъ. Въ такой ужасной обстановкѣ прошли выборы во 2-ю Думу. Невѣроятными беззаконіями и нарушеніями свободы избирателей отдѣлалось правительство отъ нежелательныхъ ему людей. Услужливый сенатъ, по указкѣ начальства, „разъяснялъ“ законъ о выборахъ, ограничивалъ кругъ лицъ съ правомъ голоса: такъ, напримѣръ, крестьяне были лишены права выбирать такихъ интеллигентныхъ людей, которые оставили деревню, но числились въ крестьянскомъ сословіи, въ городахъ было отнято право голоса у тѣхъ, кто снималъ квартиру, но не жили въ ней, и мн. др. Для того, чтобы ослабить тягу крестьянъ къ землѣ и перессорить ихъ между собой,

Столыпинъ издалъ „указъ 9-го ноября 1906 г.“, которымъ разрѣшалось всякому желающему члену сельской земельной общины „выдѣлиться“ изъ нея, вмѣстѣ съ принадлежащимъ ему участкомъ общинной земли, который закрѣплялся за нимъ въ собственность, выходить „на отруба“ или переселяться „на хутора“. Выдѣлы не только поощрялись наградами „отрубникамъ“ и устраивавшимъ ихъ чиновникамъ, но прямо в ы н у ж д а л и с ь начальствомъ, община была объявлена „крамольнымъ“ учрежденіемъ, передѣлы земли затруднялись, а гдѣ ихъ давно не было, запрещались впредь, такъ что каждый получалъ въ собственность тотъ участокъ земли, какимъ владѣлъ сейчасъ. Земля была пущена въ продажу, закладъ и проч. Особые чиновники - „землеустроители“ должны были стараться о скорѣйшемъ выполненіи желаній правительства, которое надѣялось такимъ путемъ создать „сильныхъ“, хозяйственныхъ мужиковъ, преданныхъ царю-благодѣтелю и готовыхъ всегда обуздать „смутьяновъ“, требующихъ передѣла земли.

Много крестьянъ было разорено этимъ закономъ, много внесъ онъ вражды и злобы въ деревню, разстроилъ хозяйство и не поднялъ, а подорвалъ земледѣліе. Правда, чиновники такъ обирали хуторянъ, что и они не могли благодарить правительство, но раздоръ былъ достигнутъ. Вторая Дума вообще была очень разнородна по составу. Туда удалось пройти довольно большой группѣ настоящихъ изувѣровъ-черносотенцевъ и озлобленныхъ на революцію помѣщиковъ - „октябристовъ“, кадетовъ же прошло гораздо меньше, чѣмъ въ первую Думу, лучшія ихъ силы были изъяты по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, да вообще партія эта замѣтно „поправѣла“, главную роль въ ней стали играть уже не ученые „жрецы свободы“, а зажиточные помѣщики и промышленники, напуганные революціей. Лѣвые приняли участіе въ выборахъ въ Думу и прошли въ довольно большомъ количествѣ, особенно крестьяне изъ Трудовой Группы и Крестьянскаго Союза, а также „с-д“, „н-с“ и „с-ры“. Но между ними не было никакого единодушія, каждая группа стояла на своемъ и не умѣли они уступать другъ другу во имя общаго, главнаго дѣла, да и народъ уже былъ „рядовой“,—луч-

шіе люди были всѣ „изъяты“. Правительство рѣшило не церемониться съ депутатами. Уже раньше оно ихъ арестовывало, обыскивало, вопреки закону о „неприкосновенности“, требовало увольненія заподозрѣнныхъ. Теперь оно воспользовалось попыткой кружка неопытной молодежи соціалъ-революціонеровъ, пытавшихся организовать покушеніе на царя Николая и схваченныхъ полиціей въ самомъ началѣ подготовленій (вообще вѣроятно сама инициатива этого „заговора“ выходила отъ агентовъ-провокаторовъ), чтобы бросить тѣнь на всю думскую фракцію депутатовъ соціалъ-революціонеровъ и заставить Думу вынести порицаніе террору (вся лѣвая, т. е. большинство, удалилось въ знакъ протеста изъ этого засѣданія).

Еще болѣе скверную штуку сыграло правительство съ соціалъ-демократами черезъ агентовъ-провокаторовъ: оно уговорило солдатъ принести въ помѣщеніи этой фракціи революціонный „наказъ“, арестовало ихъ тамъ, обвинило фракцію въ подготовкѣ военнаго заговора среди солдатъ и требовало у Думы выдачи всѣхъ 34-хъ депутатовъ соціалъ-демократовъ. Дума не согласилась и была распущена. Немедленно вслѣдъ за ея роспускомъ былъ изданъ новый избирательный законъ (въ нарушеніе самимъ же правительствомъ установленныхъ „основныхъ“ законовъ). Этотъ законъ (3-го іюня 1907 г.) лишилъ совершенно права голоса цѣлыя области (Восточную Сибирь, Степной край, Туркестанъ), сократилъ число депутатовъ отъ Польши, Кавказа и Западной Сибири до одного, а то и меньше на губернію, ввелъ обязательное представительство „русскаго населенія“ на окраинахъ (въ Польшѣ, Западномъ краѣ, Закавказьѣ), хотя бы тамъ ихъ было очень мало, одни чиновники, и боячески ограничилъ права „инородцевъ“. Обязательное представительство крестьянъ было уничтожено (правительство призналось, что „эта карта бита“), усиленно представительство помѣщиковъ и богатеевъ, такъ что въ городахъ „первая курія“ изъ богатыхъ посылала половину депутатовъ, а все остальное населеніе всего лишь половину. Много еще другихъ было въ этомъ законѣ введено способовъ, чтобы создать „послушную“ Думу, и все-таки выборы еще были не свободны, проходили подъ надзоромъ и насиліями полиціи. Большинство этой 3-й Думы

были помѣщики-черносотенцы и „октябристы“, которые однако уже не заикались о „соблюденіи“ манифеста, а только громили революцію. Дума „мирно“ протянула свои пять лѣтъ и во всемъ потакала правительству, даже „впередъ забѣгала“. Она ограничила автономію Финляндіи, подчинивъ ее русскимъ чиновникамъ, поддерживала „охранниковъ“, одобряла всякія безобразія, утвердила законъ о разрушеніи общины и многое другое. Всѣ же законы о „свободахъ“, напр. о свободѣ совѣсти, о сектантахъ, о страховыхъ „больничныхъ кассахъ“ для рабочихъ и т. п., извуродовала такъ, чтобы они не дали возможности народу развить свою самостоятельность. Однако и эта Дума иногда протестовала противъ дѣйствій правительства, оно ее распустило напримѣръ на нѣсколько дней, когда Дума не утвердила правительственный законопроектъ о земствѣ для Западнаго края, спеціально созданный для усиленія „русской“ власти надъ поляками, литовцами и евреями. Очень скандальныя засѣданія были въ Думѣ и тогда, когда раскрылось дѣло знаменитаго провокатора Евно Азева. Оказалось, что въ Центральномъ Комитетѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ давно уже сидѣлъ агентъ правительства, который одной рукой организовалъ покушенія и убійства на министровъ (Плеве, в. к. Сергѣя, заговоръ 1907 г.), а другой выдавалъ товарищей. Этотъ агентъ, Азевъ, былъ авантюристъ, которому нравилось служить „и нашимъ и вашимъ“, онъ обманывалъ и правительство и партію, но все же самый фактъ пребыванія въ „сотрудникахъ“ правительства завѣдомаго террориста былъ яркимъ доказательствомъ разложенія всей системы. Правда, послушная Дума удовлетворилась объясненіями правительства по этому дѣлу, а правительство поспѣшило сослать на поселеніе своего же бывшаго министра полиціи Лопухина, который, какъ честный чиновникъ, былъ возмущенъ дѣйствіями Азева и выдалъ его предательство революціонерамъ. Скоро вслѣдъ за тѣмъ революціонеръ Петровъ (Воскресенскій), поступившій въ „охрану“ съ цѣлью разрушенія ея продѣлокъ, взорвалъ начальника петербургской охраны, а въ 1911 г. другой охранникъ-террористъ Богровъ убилъ самого Столыпина (въ Кіевѣ, въ театрѣ. въ присутствіи царя). Европа

была возмущена актами правительства, когда оно осудило на поселеніе престарѣлую „бабушку русской революціи“ Екатерину Константиновну Брешковскую, и хотѣло сдѣлать то же даже съ мирнымъ кооператоромъ, старикомъ Чайковскимъ. Учебныя заведенія были снова подчинены надзору полиціи, общества и сходки запрещены. Въ 1910—11 гг. въ университетахъ поднялись волненія послѣ смерти Льва Толстого, котораго все общество почитало, какъ своего учителя, а правительство запрещало по немъ служить панихиды, какъ по „отлученномъ отъ церкви“. Толстой былъ торжественно погребенъ безъ обрядовъ церкви, и молодежь организовала въ его память демонстрацію противъ смертной казни. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ разыгралось жестокое избіеніе политическихъ на Зерентуйской каторгѣ, при которомъ погибъ Егоръ Сазоновъ, и молодежь снова начала волноваться, почтивъ память павшихъ и негодуя на правительство *). Вспыхнула забастовка, множество студентовъ было исключено и сослано, многіе профессора, въ знакъ протеста, покинули университеты (особенно въ Москвѣ), и на мѣсто ихъ правительство назначило своихъ невѣжественныхъ прихвостней. Царь Николай окончательно проявилъ въ эти годы свое жестокое и лицемѣрное сердце. Раньше его не ненавидѣли, считая просто слабымъ человѣкомъ, игрушкой дурныхъ совѣтниковъ, но оказалось, что онъ — жестокій самодуръ, преисполненный маніей величія и „священнаго“ значенія своей „миропомазанной“ особы. Онъ былъ очень суевѣренъ и всегда окружалъ себя разными шарлатанами-проходимцами, которое составляли при дворѣ тайное правительство, вершившее всѣ дѣла. Сначала эти шарлатаны были еще безобидны, какъ, напримѣръ, чудакъ Клоповъ, все выдумывавшій какія-то мѣры по „подъему благосостоянія“ крестьянъ, „предсказатель погоды“ и ревнитель „грядковой культуры злаковъ“ Демчинскій и друг.

*) Судьба другихъ террористовъ-каторжанъ тоже была трагическая. Гершуни и Карповичу удалось, правда, бѣжать съ каторги, но не суждено было вернуться въ свободную Россію: Гершуни умеръ въ 1908 г. въ Парижѣ; Карповичъ погибъ уже ѣ д у ч и въ Р о с с і ю (послѣ революціи 1917 г.), на пассажирскомъ пароходѣ, потопленномъ германскою подводною лодкой.

Съ 1903 г., и въ особенности послѣ революціи, главную роль занялъ сибирскій конокрадъ, Григорій Распутинъ-Новыхъ, безграмотный и жадный мужикъ съ похотливой душой. Онъ называлъ себя „старцемъ“ и изображалъ изъ себя праведника, основателя какой-то особой секты, одной изъ чертъ которой была—практика „искушеній“ въ видѣ хожденія въ баню съ поклонницами-истеричками, пьянства, распутства и т. п. Царь и царица во всемъ вѣрили Распутину и слушались его, дворъ превратился въ сумасшедшій и развратный притонъ, гдѣ все было основано на суевѣріяхъ и примѣтахъ. Время проходило въ прославленіяхъ „величія“ царя и Россіи на всевозможныхъ юбилеяхъ (200-лѣтіе Полтавскаго боя въ 1909 г., столѣтіе Отечественной войны въ 1912 г., 300-лѣтіе дома Романовыхъ въ 1913 г.), которые давали царю поводъ пить за здоровье вѣрныхъ слугъ, говорить пустыя рѣчи и упиваться отраженіемъ славы предковъ на его ничтожной фигуркѣ. А между тѣмъ народъ изнывалъ въ тискахъ голода и произвола. 4-го апрѣля 1912 г. разразилась бойня надъ безоружными рабочими золотыхъ пріисковъ на рѣкѣ Ленѣ въ Сибири. Эти рабочіе были почти въ рабствѣ у всесильной золотопромышленной компаніи и попробовали добиться человѣческихъ правъ. Они забастовали и, когда ихъ депутаты-старосты были арестованы, пошли къ начальству рудниковъ съ петиціей. Начальство вызвало войска, жандармовъ, жадныхъ исправниковъ—отданъ былъ приказъ стрѣлять въ толпу. Было много убитыхъ и раненыхъ. Вмѣсто того, чтобы наказать палачей, виновность которыхъ была скоро разоблачена общественнымъ разслѣдованіемъ (въ немъ видное участіе принялъ адвокатъ А. Ф. Керенскій, нынѣшній вождь революціи) и ревизіей сенатора Манухина, правительство старалось предать суду самихъ рабочихъ за „нападеніе“ на войска и „вожаковъ“ забастовки за революціонную агитацію. Во всѣхъ городахъ прокатилась волна протеста и сочувственныхъ забастовокъ рабочихъ и повторялась потомъ изъ года въ годъ. 4-ое апрѣля 1912 года стало новымъ днемъ траура и негодованія трудящихся, наряду съ 9-мъ января 1905 года.

Съ осени 1912 г. собралась IV Дума, тоже составлен-

пая изъ подставныхъ депутатовъ, угодныхъ правительству. Тутъ особенно постарались насадить побольше священниковъ-черносотенцевъ, покорныхъ суровому ихъ начальству темныхъ „батюшекъ". Трудовиковъ и соціалъ-демократовъ попало въ эту Думу еще меньше, чѣмъ въ третью, кадетовъ немного больше, въ общемъ составъ былъ такой же, даже „черньѣе". Но жизнь жестоко проучила „умѣренныхъ" за довѣріе къ правительству и они стали теперь требовательнѣе. Къ тому же у лѣвыхъ оказался энергичный и умѣлый вождь въ лицѣ соціалъ-революціонера Керенскаго, сумѣвшаго объединять соціалистовъ въ яркихъ выступленіяхъ и сосредоточить всѣ силы на борьбѣ съ правительствомъ. Правительство опозорило себя въ 1914 г. еще дѣломъ Бейлиса. Это была новая гнусная попытка натравить темный народъ на евреевъ. На этотъ разъ попробовали выкопать старыя, черносотенныя басни объ „изувѣрскихъ еврейскихъ сектахъ", будто бы приносящихъ въ жертву богу христіанскихъ дѣтей. Еще въ 1911 г. былъ найденъ близъ Кіева убитымъ мальчикъ Андрей Ющинскій: его убила шайка воровъ, потому что боялась, что онъ выдастъ ихъ продѣлки, и свалила все на евреевъ. На судѣ выяснилась полная невиновность приказчика кирпичнаго завода Бейлиса, маленькаго человѣка, сдѣлавшагося жертвою этой продѣлки. Но правительство нарочно старалось раздуть дѣло, чтобы добиться судебнаго признанія существованія изувѣрныхъ сектъ у евреевъ и этимъ бросить пятно проклятія на весь еврейскій народъ. Были привлечены тупые и подкупленные свидѣтели, присяжные нарочно подобраны были „посѣрѣе". Процессъ превратился въ европейскій скандалъ. Вся Европа и русская интеллигенція единодушно протестовала противъ этой мерзости. Игра сорвалась; присяжные оправдали Бейлиса и евреи были очищены отъ гнусной клеветы въ глазахъ всего общества. Осенью того же года произошли крупныя рабочія волненія въ столицахъ на почвѣ экономическихъ и политическихъ требованій, въ Петербургѣ дошло дѣло до баррикадъ и перестрѣлки. Всѣмъ было ясно, что не избѣжать второй революціи, и грянула война.

Война поднялась, какъ извѣстно, сначала между Ав

стріей и Сербіей. Сильная, хищная Австрія хотѣла подчинить себѣ сербовъ, которые стремились объединиться въ одно государство со своими единоплеменниками, находившимися подъ австрійскимъ владычествомъ. Австрійскіе сербы были лишены автономіи и политическихъ правъ и вынуждены бороться съ властью террористическими актами. Въ іюлѣ 1914 г. наслѣдникъ австрійскаго престола и его супруга были убиты бомбой въ Сараевѣ, столицѣ Боссніи. Австрія заявила, что заговорщики изобличены въ сношеніяхъ съ Сербіей, и потребовала отъ послѣдней унизительныхъ уступокъ. Сербія все же подчинилась, но Австрія придралась къ мелочи и пошла войной на сербовъ. Русское правительство отдало приказъ мобилизовать (привести въ боевую готовность) войска, чтобы выразить готовность помочь сербамъ. Тогда Германія объявила войну Россіи, напавъ одновременно на Францію и Бельгію. Началась европейская война. Въ началѣ ея положеніе создалось довольно выгодное для русскаго правительства. Россія подверглась нападенію сильнаго врага и было очень удобно воспользоваться внѣшней угрозой, чтобы подавить внутреннее движеніе. Подъ предлогомъ военнаго положенія и необходимости „единенія“ правительство закрыло всѣ рабочіе клубы, общества, газеты, поставило все подъ надзоръ строжайшей цензуры. Всячески поощрялась травля нѣмцевъ, на которыхъ валили всѣ вины германскаго правительства, помѣщиковъ и капиталистовъ, всей военщины, такъ много зла принесшей самой Германіи. Передовыя партіи и даже часть соціалистовъ вначалѣ поддались угару націонализма, тѣмъ болѣе, что Германія всегда была союзницей русскаго царскаго режима и реакціи. Разрывъ съ Германіей, союзъ съ республиканской Францією и подлинно конституціонной свободной Англіей, задача защиты маленькихъ Сербіи и Бельгіи, а позже и Польши, раздавленныхъ нѣмецкимъ „бронированнымъ кулакомъ“, казалась достойной жертвъ, усилій, обѣщала внутреннее обновленіе и демократизацію самой Россіи въ будущемъ. И всѣ еще вѣрили, что правительство сможетъ при поддержкѣ общества одолѣть внѣшняго врага, тогда, молъ, удобно будетъ ярче поставить вопросъ о внутренней реформѣ. Соціалисты въ Думѣ требовали, чтобы неме-

дленно была дана амнистія, свобода и равноправіе народностей, доказывая, что только такимъ образомъ можно сплотить страну и вызвать въ ней настоящій подъемъ, жажду защитить свое достояніе. Указывалось и на то, что Германія начала первой только потому, что была готова къ войнѣ, что и Россія, и Антлія, и Франція готовили нападеніе и мечтали о завоеваніяхъ, и только была застигнуты врасплохъ, а потому нечего всю вину валить на нѣмцевъ, смѣшивая въ одно ни въ чемъ неповинный и порабощенный, и обманутый, ослѣпленный военизмъ духомъ, народъ германскій и хищное правительство, недучего надѣяться, что союзники, разгромивъ Германію, дадутъ свободу, а не станутъ на ея мѣсто. Буржуазныя партіи, во главѣ съ „кадетами“, мечтали о завоеваніяхъ и разгромѣ Германіи. Соціалистическія партіи призывали къ скорѣйшему прекращенію бойни, путемъ возстановленія международнаго союза трудящихся классовъ (Интернаціонала) и созыва соціалистическаго конгресса. Но большинство соціалистовъ было согласно, что, поставивъ себѣ впереди эту трудную, сложную задачу, надо сейчасъ прежде всего отражать натискъ врага, чтобы не попасть подъ чужеземную власть, не подчиниться реакціонному монарху, что конечно надолго затормозило бы внутреннее освобожденіе Россіи. Скоро оказалось, что царь и его дворъ въ тайнѣ мечтаютъ о скорѣйшемъ соглашеніи съ Германіей и прямо предаютъ страну. Оказалось, что правительство неспособно защитить страну отъ враговъ, что министры и чиновники думаютъ только о тепплыхъ мѣстечкахъ и казенныхъ подрядахъ, что война служитъ множеству темныхъ дѣльцовъ и хищниковъ только средствомъ наживы. Войско оказалось безъ снарядовъ и вынуждено было отступить не только изъ завоеванныхъ было областей Пруссіи и Австріи, но и изъ Польши и Литвы. Военный министръ Сухомлиновъ, штабный полковникъ Мясоѣдовъ, комендантъ крѣпости Ковно Григорьевъ оказались предателями. Вмѣсто того, чтобы привязать къ Россіи родственное ей населеніе завоеванной было Галиціи, правительство посылало туда черносотенныхъ поповъ и чиновниковъ, которые брали взятки, тѣснили евреевъ, принуждали уніатовъ-галичанъ силою переходить въ пра-

вославіе и отказываться отъ роднаго имъ украинскаго языка. Въ войскахъ царило битье, розги, разстрѣлы по подозрѣнію въ „неблагонадежности“. Мѣстное населеніе пограничныхъ областей поголовно обвинялось въ шпіонствѣ, подвергалось всякимъ насиліямъ, издѣвательствамъ и поборамъ. На евреевъ была взведена клевета въ поголовной измѣнѣ, отъ нихъ брали заложниковъ, разстрѣливаемыхъ при первомъ же признакѣ недовольства среди мѣстныхъ жителей. Рабочіе, лишенные своихъ организацій и утомленные тяжелымъ экстреннымъ трудомъ, были поставлены подъ надзоръ сыщиковъ и за малѣйшую повинность ссылались на фронтъ въ наказаніе. Туркестантскіе туземцы, силою отправляемые въ Россію (лѣтомъ 1916 г.) на тыловыя работы, были массами разстрѣляны, а цѣлые города выжжены за „сопротивленіе“ этому неожиданному и непонятному для нихъ указу. Наконецъ обнаружилась хозяйственная разруха. Нехватило предметовъ первой необходимости не только потому, что возникли дѣйствительно вызванные войной продовольственныя осложненія, но и потому, что хозяйство было не организовано. Желѣзныя дороги были забиты грузами, выгодными для придворныхъ спекулянтовъ и взяточниковъ, хлѣбъ и сахаръ припрятывались банками для повышенія цѣны, все дѣлалось хищнически, случайно. Правительство не позволяло обществу организовать продовольствіе, опасаясь, что это вызоветъ духъ общественной самостоятельности, старалось оставить все въ рукахъ чиновниковъ. Оно стѣсняло Земскій и Городской союзъ въ культурныхъ начинаніяхъ для больныхъ и раненыхъ, всюду чуя опасность революціонной пропаганды, затрудняло дѣятельность военно-промышленныхъ комитетовъ, особенно рабочихъ группъ, которые начало даже арестовывать по обвиненію въ стремленіяхъ къ перевороту.

Всѣмъ заправляла шайка явныхъ проходимцевъ и предателей во главѣ съ Распутинымъ. Распутинъ ставилъ и смѣщалъ министровъ по произволу. Скоро всѣ мало-мальски порядочные люди, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, народнаго просвѣщенія—Игнатьевъ, военный—Поливановъ и др. вынуждены были подать въ отставку. Все министерство состояло изъ явныхъ измѣнниковъ и

корыстолюбивыхъ карьеристовъ, совершенно бездарныхъ, выжившихъ изъ ума негодяевъ, какъ Протопоповъ, Штюрмеръ, Бѣляевъ и др. Они были пѣшками, за которыми скрывались Распутинъ, Манасевичъ-Мануйловъ, митрополитъ Питиримъ и др. темныя личности. Дума перестала быть послушной. Уже съ осени 1915 г., когда обнаружилась измѣна Сухомлинова, въ Думѣ и даже Государственномъ Совѣтѣ образовался „прогрессивный блокъ", требовавшій нѣкоторыхъ (очень незначительныхъ въ сущности) реформъ и министерства изъ людей, пользующихся довѣріемъ страны. Только черносотенцы не примыкали къ этому блоку. Лѣвые депутаты, не входя въ блокъ, поддерживали его требованія, но считали ихъ недостаточными и все время напоминали, что Дума, составленная по закону 3-го іюня, не является голосомъ всей страны, что рѣшительное слово скажетъ страна, народъ, демократія, такъ и случилось. Послѣ того, какъ Дума исчерпала всѣ аргументы для воздѣйствія на правительство и обличила всѣ его безобразія до дна, послѣ того, какъ земскія, городскія, военно-промышленныя и даже сословно-дворянскія организаціи и Государственный Совѣтъ ясно высказались за невозможность продолжать войну и хозяйство страны, пока у власти стоятъ такіе люди, послѣ того, какъ Распутинъ неожиданно палъ отъ руки великосвѣтскихъ заговорщиковъ (великихъ князей и родственниковъ царскаго дома), которые требовали отъ царя дѣятельнаго противодѣйствія общей разрухѣ, всѣмъ стало ясно, что виноваты не лица, а весь прогнившій самодержавный строй и тѣ, кто стоитъ во главѣ государства, царь съ царицей и всѣми приспѣшниками. Назрѣла необходимость государственнаго переворота. Въ февралѣ 1917 г. рабочіе вышли на улицу съ экономическими и политическими требованіями, и Дума выразила готовность поддержать требованія. Царь ускорилъ переворотъ, распустивъ Думу 27-го февраля. Дума не разошлась, поддержанная рабочими и—главное—возставшими войсками петроградскаго гарнизона. Народная армія, зрѣлая и сознательная, подъ вліяніемъ тяжкихъ уроковъ жизни, не позволила обратить себя въ „усмирителей" бунта, но открыто стала на сторону народа. Дума стала центромъ револю-

ціонно организующейся Россіи. Рядомъ съ нею, барской и случайной по составу, сталъ новый Совѣтъ рабочихъ депутатовъ—центръ народной силы. Соглашеніе этого совѣта съ думскимъ Временнымъ Комитетомъ (изъ предсѣдателей всѣхъ фракцій) выдвинуло Временное Правительство изъ депутатовъ Думы и общественныхъ дѣятелей (въ томъ числѣ соціалиста Керенскаго). Оно взяло въ руки власть и вынудило Николая II отречься отъ престола. Судьба Россіи передана будущему Учредительному Собранію, которое будетъ избрано всѣмъ народомъ и вполнѣ свободно. Свобода и равноправіе уже осуществлены. Начинается повсемѣстная организація демократической Россіи, вокругъ совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Съ развитіемъ хода революціи измѣнился и самый составъ правительства. Уже не одинъ Керенскій, а шесть соціалистовъ, представителей трудовой демократіи, занимаютъ отвѣтственные посты. Въ числѣ ихъ такіе выдающіеся вожди освободительной борьбы, какъ главный теоретикъ партіи с.-р. В. М. Черновъ, виднѣйшій изъ кавказскихъ соціалъ-демокр. И. Г. Церетелли (бывшій членъ 2-й Государственной Думы) и др. Петроградскій Совѣтъ депутатовъ, который въ ближайшемъ будущемъ станетъ всероссійскимъ по составу и единымъ по формѣ организаціи, остается постояннымъ органомъ общественнаго контроля надъ дѣйствіями Временнаго Правительства.

Подъ руководствомъ такой власти страна сумѣетъ правильно рѣшить свою судьбу, и можно быть увѣреннымъ, что это рѣшеніе будетъ соотвѣтствовать идеалу лучшихъ борцовъ за свободу.

Такъ осуществляется въ наши дни мечта декабристовъ.

А. Гизетти.

Петроградъ

Пособія.

Гл. I. **Радищевъ.** Путешествіе изъ Петербурга въ Москву (лучшее изд. подъ ред. П. Е. Щеголева и Н. Павлова-Сильвинскаго, со вступит. статьями). — **К. Левинъ.** Первый борецъ за свободу русскаго народа А. Н. Радищевъ. Изд. «Колоколъ« 1906 г. (распрод.)—**Мякотинъ.** На зарѣ русской общественности (отдѣльно и въ книгѣ «Изъ исторіи русскаго общества»).

Гл. II. **Якушкинъ.** Декабристы, кто они были и чего хотѣли.— **К. Левинъ.** Борцы за свободу--декабристы. — **Довнеръ-Запольскій.** Идеалы декабристовъ. — **Мякотинъ.** Изъ исторіи русскаго общества (очеркъ «Изъ Пушкинской эпохи»).—**Богучарскій.** Изъ прошлаго русскаго общества (первые очерки.) — **Семевскій.** Политическіе и общественные идеи декабристовъ.— **Пыпинъ.** Общественное движеніе при Александрѣ I. — **Котляревскій, Н. А.** К. Ф. Рылѣевъ. — **Его же.** — Поэты-декабристы (кн. А. И. Одоевскій и А. А. Бестужевъ). — **Щеголевъ.** Историческіе этюды. — **Бороздинъ.** Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Книга для чтенія по исторіи «новаго времени». Изд. Моск. Общ. Распр. Техн. Знаній. Тт. III. и IV, 2.

Гл. III. «Эпоха Николая I.» Сборникъ подъ ред. М. Д. Гершензона. — **Милюковъ.** Изъ исторіи русской интеллигенціи. — **Мякотинъ.** Изъ исторіи русскаго общества — **Богучарскій.** Изъ прошлаго русскаго общества. — **Его же.** Герценъ. — **Вѣтринскій.** Герценъ. — **Его же.** Гранозскій. — **Реформатская.** Люди мысли и правды (о 40-хъ годахъ). — **Семевскій.** — Изъ исторіи общественныхъ идей въ 40-хъ годахъ (статья о «петрашевцахъ» въ сборникѣ «На славномъ посту» и отдѣльно).— **Герценъ.** «Былое» и Дума.—**Пыпинъ.** Бѣлинскій, его жизнь и переписка.

Гл. IV—VI. **Корниловъ.** Общественное движеніе при Александрѣ II. — **Бѣлокоискій.** Земство и конституція. — **Богучарскій.** Активное народничество семидесятыхъ годовъ. — **Его же.** Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ (Партія «Народной Воли»). — **Дебагорій-Мокріевичъ.** Воспоминанія. — **Морозовъ.** Повѣсти моей жизни. — **Степнякъ** Подпольная Россія. — **Лавровъ.** Историческія письма. — **Его же.** Народники-пропагандисты 1874—1878 гг. Журналы: «Былое» (1906 и 1907 гг.), «Минувшіе годы» (1908 г.), «Русская Историческая Библіотека», подъ ред. П. Е. Щеголева и В. Я. Богучарскаго (обвинит. акты, воспоминанія, революц. литература — рядъ выпусковъ). «Дѣло 1-го марта 1881 г.» (отчетъ о процессѣ).—**Тунъ** Исторія революціоннаго движенія въ Россіи (лучшее изд. съ примѣч. Л. Э. Шишко, ожидается новое). — **Сватиковъ.** Общественное движеніе въ Россіи.

А. Гизетти.

Къ свѣдѣнію иногородних книжныхъ магазиновъ.

Основанное въ 1909 г. изд. «**Библіотечка-копейка**» приступила къ изданію серіи **Политико-соціальныхъ брошюръ.**

Нашъ девизъ: трезвому, свободному народу—**свободное, трезвое слово.**

Наша задача: безпристрастно и правдиво содѣйствовать выясненію непреложныхъ истинъ политическаго момента.

О дисциплинѣ духа, о непрестанномъ служеніи странѣ и народу которыхъ три вѣка давила рука Романовыхъ, будемъ мы говорить въ законченныхъ очеркахъ **политико-соціальныхъ брошюръ.**

Поступили въ продажу:

№ 1. «**Гимнъ свободѣ**». Пѣсни Воли.
2-ое исправлен. и дополнен. изд. 32 стр. Ц. 25 коп.

№ 2. Прив. доц. П. А. Сорокинъ: «**Что нужно народу**». Монархія или республика. 32 стр. Ц. 25 к.

№ 3. Его же. «**Основы будущаго мира**». 32 стр. Ц. 25 коп

№ 4—Б. А. Гизетти: «**Отъ декабристовъ до нашихъ дней**». Сто лѣтъ борьбы за свободу. 64 стр. Ц. 50 коп.

Печатается:

№ 6—7. А. Бойзенъ. **Страна соціальныхъ реформъ Новая Зеландія.** 64 стр. Ц. 50 коп.

«Серія» Библіотечки-копейки печатается на глазированной бумагѣ покрыта плотной обложкой, отпечатанной цвѣтной краской.

Для фронта, войсковыхъ библіотекъ, городскихъ и земскихъ Союзовъ, значительная уступка.

Отдѣленіе **Библіотечки-Копейки** для Петроградской Стороны, при книжн. магаз. **«Мысль»**, Петрогр. Стор., Б. просп., 17 тел. 551-99.

Всѣ наши изданія имѣются на книжныхъ складахъ въ Петроградѣ:

Петроград. о-ва распростр. литературы партіи „С.-Р.“
Екатерининская ул.,

Книжн. скл. **«Провинція»**, Стремяная, 6, телеф. 86-20.

Кн. скл. т-ва **Н. П. Карбасникова**, Гостин. дворъ, 19, тел. 226-60.

Юридич. и книжн. маг. **«Право»** Литейный пр. 28, тел. 41-81.

Книжн. магаз. **«Книга»**, Стремяная ул., 11, тел. 648-62.

Книжн. скл. **П. П. Сойнина**, Стремяная ул., 12, тел. 250-26.

Экспедиція **М. Г. Воронова**, Невскій пр., 88, кв. 78, тел. 168-76

Изданныя за 1909—14 гг. книжки «Библіотечки-копейки» Л. Н. Толстого, Ив. Тургенева, Гоголя, Чехова, Гл. Успенскаго Вс. Гаршина. Л. Андреева, Евг. Чирикова, Ив. Бунина, Бор. Зайцева, Гр. Петрова, Генр. Сенкевича, В. Гюго, Гюи де Мопасана, Кнута Гамсуна, Дюма-сына, Дюма-отца, Сельмы Лагарлефъ, Марселя Прево, «Кобзарь» Тараса Шевченко и др. **распроданы.**

Въ недалекомъ будущемъ, какъ только станетъ технически возможнымъ изданіе копеечныхъ книгъ, мы вернемся къ своей основной задачѣ.

Запросы и требованія адресовать:

Издательству С. Нонина,

„Библіотечка-Копейка“

Петроградъ, ул. Жуковскаго, 22.

РАЙОННЫЙ ЦЕНТР. БИБЛ.

Серія политико-соціальныхъ брошюръ продается въ кіоскахъ желѣзнодорожныхъ станцій.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ.

№ 1. **„Тьмнъ Свободѣ“.** Пѣсни воли. **2-е** дополненное изд. Цѣна **25** коп.

№ 2. ***Питиримъ Сорокижъ.*** **Что нужно народу.** Монархія или республика? Ц. **25** к.

№ 3. ***Питиримъ Сорокижъ.*** **Основы будущаго мира.** Цѣна **25** коп.

№ 4—5. ***А. Гизетти.*** **Отъ декабристовъ до нашихъ дней.** Сто лѣтъ борьбы за свободу. Цѣна **50** коп.

№ 6—7. ***А. Бойзенъ.*** **Страна соціальныхъ реформъ.** Новая Зеландія. Цѣна **50** коп.